

Андрей Гросс

Бойся моих Желаний

Андрей Гросс

Бойся моих желаний

«Литнет»

2025

Гросс А.

Бойся моих желаний / А. Гросс — «Литнет», 2025

Кто я? Чего я хочу? Теперь мне нужен мужчина, который сможет дать мне это. Девушка боится своих желаний — ей стыдно признаться, что она мечтает о том, как её силой берут, как мужчина полностью и безжалостно овладевает ею. Привлекательный и загадочный Джон узнаёт её секрет и делает ошеломляющее предложение: они будут почти чужими друг другу и тайно встречаться, чтобы Джон мог воплотить её фантазию. Их отношения запутаны, секс невероятен, и, несмотря на попытки держаться на расстоянии, их эмоции вскоре оказываются связаны так же крепко, как верёвка на её запястьях. Но тайны из их прошлого могут сделать их отношения ещё более мрачными...Внимание: в книге откровенно описываются фантазии о сексе без согласия. Читателям, чувствительным к подобному контенту, следует быть осторожными.

© Гросс А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1

Пролог

Мои фантазии всегда начинаются... обычно. Насколько бы это «обычно» не казалось странным для нормальных людей...

В фильме или сериале, который я смотрю, есть сексуальная сцена: например, мужчина и женщина в объятиях друг друга, их губы почти соприкасаются. В случайном порядке звучит баллада Дайны Вашингтон, грустная и тоскливая. Леонардо Ди Каприо появляется без рубашки на обложке журнала для супермаркетов. Думаю, меня заводят даже обычные вещи.

И вот я лежу в постели со своим парнем (когда у меня есть парень) или одна под одеялом, или моюсь в душе (когда парня нет). Я просто закрываю глаза. Я пытаюсь забыть обо всём, кроме пульсации между ног, давления и ритма, от которых учащается мой пульс. Образы в моей голове смешиваются без какого-либо повествования, эмоций или смысла — как какой-то порнографический калейдоскоп из языков и губ, члена и вагины, трения кожи по коже. Обычно я начинаю стонать; я не из тех, кто молчит. Пока всё идёт хорошо.

Но каким бы откровенным и эротичным ни был этот калейдоскоп, каким бы талантливым ни был язык парня или каким бы постоянным ни было давление моей руки, это никогда, ни за что не довело бы меня до оргазма.

На это способна только одна моя фантазия.

Я стараюсь не думать об этом. Я говорю себе, что это ненормально, что это неправильно. Часто, когда я с парнем, я просто не кончаю. Стыдно так хорошо притворяться.

Когда я одна — или когда я с любимым человеком и мне так сильно хочется кончить, что я больше не могу терпеть, — я должна пойти туда.

В моих фантазиях верёвки обвиваются вокруг моих запястий и лодыжек. Или меня переворачивают на живот и связывают руки за спиной. Иногда мне завязывают глаза. Иногда он заставляет меня смотреть на него. Если я делаю парню минет, я прошу его потянуть меня за волосы и всё время притворяюсь, что он заставляет меня это делать. Принуждает меня. На самом деле он говорит: «Детка» или «Ты красивая»; я представляю, как он говорит: «Шлюха». Отсоси, сучка.

Я не кончаю, пока не представляю, что меня насилуют.

Иногда в моих фантазиях всё происходит «мягко»: парень прижимает меня к стене на вечеринке или пользуется тем, что я пьяна в стельку. Иногда всё происходит жестоко. Меня связывают и растягивают. Или я стою на четвереньках в канаве.

По крайней мере, я не фантазирую о том, как мне приставляют оружие к горлу или направляют его в голову. По крайней мере, пока.

Я ненавижу себя за это. Я ненавижу это. Я столько раз пытался измениться, но у меня ничего не получалось. Хотел бы я сказать, что не знаю, почему я такой... Но я знаю.

Может быть, это не имеет значения. У многих людей есть сексуальные фантазии, которые они никогда не воплотят в жизнь, будь то жестокие или извращённые фантазии, глупые или совершенно невозможные с биологической точки зрения. Если всё это происходит только в моей голове и я от этого кончаю, то в чём проблема?

(От этого я сильно возбуждаюсь.)

Проблема в том, что границы между реальностью и фантазией стираются.

Как и прошлой ночью.

Шоссе тянулось перед моим автомобилем, под колёсами мелькал чёрный асфальт. Через семь часов после начала поездки обратно в Остин я уже задавался вопросом, почему я просто не полетел на юго-запад на самолёте.

Иногда мне нравится отправляться в дальнюю поездку в одиночестве — слушать музыку, наслаждаться свободой и знать, что я точно не буду работать над диссертацией какое-то время. Мне понравилась большая часть пути из Нового Орлеана, но теперь, когда солнце село, а до дома оставался ещё час езды, я теперь беспокоилась.

Может быть, если бы я не оставила автомобильное зарядное устройство для телефона дома, где оно точно не пригодится...

Я застонала от досады, вспомнив о своём телефоне в сумочке, который уже больше часа как разрядился. Вместо того чтобы включить свой любимый энергичный плейлист для последнего этапа поездки, я была во власти радио. Казалось, что каждая станция была настроена на то, чтобы усыпить меня.

С другой стороны, было уже поздно. После десяти вечера большинство людей расслабились, слушали спокойную музыку и, возможно, прижимались к тем, кого любили.

Зазвучала страстная латиноамериканская мелодия: нежная гитара и ритмичные ударные пробуждали чувственность. Музыка напоминала мне, как долго я была одинока.

Четыре месяца назад у меня был последний разрыв. Иногда я скучала по своему бывшему парню по имени Кристофер — хотя знала, что расстаться с ним было правильным. Ему тридцать, он всё ещё любит веселиться. А мне в свои двадцать пять, кажется, уже не до увлечений. Мы всегда были скорее друзьями, чем любовниками.

Наша сексуальная жизнь с Кристофер казалась мне какой-то однообразной, что ж, тут, скорее всего, не его вина. Вероятно, большинство девушек были бы довольны тем, что он предлагал в постели, но я хотела большего. Того, чего он не мог дать мне.

Я наконец-то призналась своему мужчине в своих желаниях. Доверилась ему настолько, что рассказала об этом. И это уже достижение, не так ли? Но он меня не понял.

Мне стало очень стыдно и неловко. Я поделилась с Кристофер своими сокровенными фантазиями, надеясь на его поддержку, но он испугался. О, он пытался проявить сочувствие: «Но почему, как ты думаешь, ты так себя чувствуешь?» За это я и плачу своему психотерапевту. Мне нужно было от него кое-что гораздо более непристойное. Гораздо более пугающее. А нежный и весёлый Кристофер не мог мне этого дать.

Может быть, это я была слишком строгой. Я решила, что не стоит осуждать парня за то, что ему не нравится идея принуждать женщину. Поэтому я напомнила себе, что у Кристофер тоже есть границы.

Руль дёрнулся у меня в руках. Мне едва удалось удержать «Сивик» от заноса. Машину сильно занесло в сторону, когда я направил её на обочину. Шум шин по асфальту сменился хрустом гравия под колёсами. Съехав с дороги, я поставил машину на парковку, повернул ключ и на мгновение замер, прижав руку к бешено колотящемуся сердцу.

Чёрт. Я проколол шину.

Я вышел из машины, и мои сандалии захрустели по гравию на обочине. Я осмотрел повреждения. Как я и думал, переднее колесо со стороны пассажира было полностью спущено; от него отслоились полоски почерневшей резины, и оно уже полностью прилегало к земле.

Прикусив нижнюю губу, я оглядел шоссе в обе стороны. Я не доехала до Гиддингса, который был ближайшим к этой части Техаса настоящим городом. Следующий оплот цивилизации, вероятно, находился как минимум в получасе ходьбы отсюда... в темноте, без единого уличного фонаря, который мог бы меня осветить. Почему я не взяла с собой дурацкое автомобильное зарядное устройство? Я бы многое отдала за то, чтобы у меня был с собой мобильный телефон и я могла бы позвать на помощь. Я мог бы купить ещё одну на любой заправке по пути; они не такие уж и дорогие. Но я этого не сделал. Так что я остался один в темноте, совсем без поддержки.

Конечно, как современная независимая женщина, я научилась менять спущенное колесо. Я практиковалась, чтобы суметь сделать это в критической ситуации. Вот только в последний раз я практиковалась восемь лет назад, когда училась в старших классах.

Я расправил плечи. Ладно, Вивьен. Ты справишься. Давай сделаем это.

Доставая домкрат из багажника, я решил снять кардиган, который надевал поверх красного сарафана. В августе в Техасе было слишком тепло, чтобы работать в многослойной одежде, даже так поздно вечером. Кроме того, я не хотела, чтобы вся моя одежда была в масле, если можно этого избежать.

На горизонте показались фары грузовика, направлявшегося в мою сторону. Я разрывался между двумя вариантами. Помахать рукой, чтобы меня заметили, или спрятаться за машиной, чтобы водитель не увидел, что я здесь одна?

Мои фантазии — это одно. Реальность — совсем другое. Мне очень нужна была помощь, но я пошёл за машиной.

Не то чтобы это имело значение — восемнадцатиколёсный грузовик пронёсся мимо меня так быстро, что мою малолитражку качнуло. Ветерок трепал мои волосы и задирали юбку сарафана. Когда грузовик оказался далеко впереди, я сняла кардиган и бросила его на переднее сиденье, а затем приступила к делу.

Ладно. Очевидно, первым делом нужно было поднять машину домкратом. Я опустилась на колени рядом со спущенным колесом, приставила домкрат — и услышала, как ко мне подъезжает другая машина.

Фары залили меня своим сиянием. Я подняла руку, чтобы защититься от слепящего света. По коже побежали мурашки от страха. Я крепко сжала в руке баллонный ключ и, продолжая прикрывать глаза от света, попытался ровным голосом произнести: «Эй?»

«День добрый! Похоже, у тебя проблемы».

Водитель шагнул вперёд, и фары высветили его высокую мужественную фигуру. Когда мои глаза привыкли к яркому свету, я наконец смогла разглядеть его лицо.

О боже мой.

Весь адреналин в моей крови изменился. Страх никуда не делся, он только усилился, когда я увидела, какие у него широкие плечи и мускулистые руки, но теперь к страху добавилось первобытное возбуждение. Этот мужчина...

Он был высоким, не ниже чем метр девяносто! Джинсы его были натянуты на его почти невероятно узкой талии, что только подчёркивало мускулистость его бёдер. Чёрная футболка плотно облегла его тело. На его угловатом подбородке виднелась щетина, а тёмные волосы были подстрижены почти по-военному коротко, что подчёркивало резкие черты его лица. Его серые глаза окинули меня взглядом, и я вспомнила, почему вообще надела кардиган: мой сарафан был с глубоким вырезом, и по его взгляду было понятно, что он это заметил.

Моя рука крепче сжала гаечный ключ.

— В чём, проблема? Машина сломалась? — Он подошёл на шаг ближе.

«Просто спустило колесо. У меня есть запасное.» — мой голос звучал сдавленно. Я его боялась, и он наверное это заметит, по тому как дрожит мой голос!

Одна его бровь приподнялась. Он явно заметил, что я нервничаю. Похоже, это его забавляло. — Ты хочешь сказать, что можешь сама поменять колесо?

— Конечно смогу! — Возможно, это была не совсем правда, но я решила, что справлюсь, если придётся.

— А я думаю что вам нужна помощь! — Его серые глаза встретились с моими

Он снова посмотрел на меня, но из-за света фар я не могла разглядеть выражение его лица.

— Ты незвонила своему парню, он разве не должен помочь своей девушке когда она попала в беду?

Он пытается выяснить, свободна ли я, или хочет узнать, узнает ли кто-нибудь, если со мной что-то случится?

Может он маньяк?

Я попыталась улыбнуться, но, видимо, у меня не получилось.

«Да! Я звонила в аварийную службу, но они сказали, что будут здесь минут через пятнадцать или двадцать». Мой голос звучал резко, почти грубо, но я не могла об этом беспокоиться. Я могла думать только об одном: зачем я это ему сказала? Пятнадцать минут — это слишком долго. Пятнадцати минут более чем достаточно, чтобы он...

Его улыбка вспыхнула в темноте, острая, как бритва. «Я могу починить колесо за пять минут. Если, конечно, ты не слишком гордая, чтобы попросить о помощи от незнакомца».

«Я по его словам слишком гордая?» Этот парень остановился рядом со мной глубокой ночью, начал расспрашивать меня и читать нотации о том, что я себя как то неправильно веду? К чёрту страх, я уже не нашутку разозлилась. «Послушай, если ты думаешь, что это смешно — беспокоиться когда ночью на дороге к тебе подежает незнакомец то я, боюсь, что ты не понимаешь некоторых очень простых и печальных жизненных фактов».

Он отпрянул, прищулив серые глаза, как будто я дала ему пощёчину. Он воспринял мой страх как оскорбление? Может, так оно и было; и я практически сказала, что, по моему мнению, ему нельзя доверять. Однако, когда он заговорил снова, его низкий голос звучал мягче. Он хотел меня успокоить. — Я не подумал, что напугаю тебя! Позволь мне поменять твое колесо, и ты спокойно поедешь дальше!

Он протянул руку за гаечным ключом. Очевидно, он понадобился ему, чтобы поменять мое колесо. Но это было единственное потенциальное оружие, которое у меня сейчас было.

Доверяю ли я этому парню, которого встретила ночью в безлюдном месте, где на многие километры нет ни одной человеческой души?

Я сделала шаг ему навстречу, прищурившись, чтобы лучше рассмотреть его. Теперь его силуэт немного закрывал свет фар, и я смогла внимательнее изучить его черты. Высокий лоб. Прямой, крепкий нос, который, казалось, рассекал его идеально симметричное лицо. Удивительно пухлая нижняя губа. Его внешность излучала силу и почти агрессивную мужественность. Он выглядел как человек, который не боится брать то, что хочет. Но при этом он не отводил от меня глаз, словно ему нечего было скрывать.

Хоть я и хотела довериться этим глазам, я не могла этого сделать. Этот человек был мне совершенно незнаком. Всё сводилось к следующему: если он хороший парень, то я могу на него положиться. Если он плохой парень, то, скорее всего, он всеравно сможет отобрать у меня гаечный ключ в любой момент.

Я помедлила ещё мгновение, а затем протянула ему гаечный ключ.

Он взял его и прошёл мимо меня, чтобы приступить к работе.

В течение следующих нескольких минут, пока он молча работал, лишь изредка позвякивая металлом, я неловко стояла перед его тёмным седаном. Даже сейчас мне было трудно расслабиться рядом с этим парнем. А что, если он просто играет со мной? Пытается заставить меня врасплох?

"Да ладно тебе", — сказал я себе. Как будто любой насильник сначала бы поменял мое спущенное колесо, а потом бы кинулся на меня.

Но эти страхи были не главной причиной, по которой мне было трудно сейчас расслабиться. Меня беспокоило то, что я считала своего спасителя чертовски сексуальным. И он реально казался мне сексуальным, даже когда я его боялась.

А что, по-твоему, он собирался с тобой сделать?

Что ты хотела, чтобы он с тобой сделал? Проносилось в моей голове.

Пока я наблюдала за ним — как его сильные руки борются с рулём, как фары освещают его мускулистую спину или суровый профиль, — мои мысли наполнялись образами, которые я

не хотела видеть. Образами того, как он наклоняет меня над багажником моей машины, задирая юбку моего сарафана. Образами того, как он затаскивает меня на заднее сиденье, кладёт мою руку на свой член и шепчет: «Пора отблагодарить меня, детка». Как он хватает меня за волосы и ставит на колени.

Чёрт! Прекрати это.

Я покачала головой, откидывая с лица выбившиеся пряди. Мои щёки горели. Пульс всё ещё бешено колотился в груди и пульсировало между ног. Я была возбуждена, сбита с толку и злилась на себя. Я хотела, чтобы он закончил переставлять менять мое колесо, просто чтобы я могла сесть в машину и доехать до дома, притворяясь, что у меня никогда не было проблем серьезнее, чем отстойная музыка по радио.

Тогда я могла бы притвориться, что он не заставил меня так сильно проголодаться. Мне было в этот момент так стыдно.

— Ладно, — сказал он. Несколько щелчков домкратом, и моя машина снова встала на колёса. Когда он выпрямился, на его скуле виднелось тёмное масляное пятно. — Так ты доберёшься до дома. Но это всего лишь запасное колесо. Тебе нужно сразу купить новую шину, а не ездить на этой запаске слишком долго.

— Я знаю, — обиженно ответил я.

— Прости. — Он улыбнулся понимающей, почти презрительной улыбкой. — Я забыл, что разговариваю с экспертом.

Ладно, он самодовольный сукин сын, но он тот самый сукин сын, который только что спас твою задницу. Я подавила раздражение.

— Спасибо. Seriously, не знаю, как бы я справилась без тебя. Я у тебя в долгу.

Его улыбка померкла. «Тогда сделай мне одолжение. В следующий раз не пытайся быть суперженщиной. Оставайся в машине и не открывай её, делай всё, что нужно, чтобы обезопасить себя.» Он вернул мне гаечный ключ. «Тебе следует быть осторожнее с теми, кого ты встречаешь в безлюдном месте».

Он снова взгляделся в мои глаза, и я понадеялась, что моё лицо скрыто в тени и он не видит, как я покраснела. Затем он развернулся и пошёл обратно к своему седану.

Когда его дверь захлопнулась, я, дрожа всем телом, подошла к водительской двери своей Honda Civic. Я села в машину и заблокировала двери. Его машина выехала на шоссе, обогнала меня и продолжила свое движение. Я сидела неподвижно, глядя, как задние фары уменьшаются и исчезают из виду.

Мне нужно было продолжать вести машину. Но несколько мгновений я просто сидела, прижав руку к губам, и пытался унять дрожь.

Это не то, чего я хотела. Это не должно так быть!.

Если бы я только могла в это поверить.

По понедельникам я встречаюсь с доктором Уорд или, как она настаивает, чтобы я её называла, Дорин.

Я и раньше пробовала ходить к психотерапевту, но Дорин — первый психолог, благодаря которому я почувствовала, что действительно могу чего-то добиться. Всё в ней и в её кабине успокаивает. Вместо строгого нейтрального лица и строгого костюма на ней всегда мягкое выражение лица и свободный яркий вязаный наряд. Вместо холодного клинического кабинета она принимает клиентов в светлой, залитой солнцем комнате своего дома, где стоят растения в горшках и африканские скульптуры, которые она коллекционирует. Самое главное, что вместо того, чтобы читать лекции, она слушает.

«Я не знала, в безопасности ли я.» Я сижу на кремовом диване, поджав под себя босые ноги. Дорин просит пациентов оставлять обувь у двери; якобы это нужно для того, чтобы не испачкать ковры, но на самом деле, как мне кажется, это помогает нам расслабиться. «Я могла

быть в опасности, я же не знала. Я не знала, что он не причинит мне вреда. И я всё ещё представляла, как он... принуждает меня».

— Он не причинил тебе вреда, — спокойно говорит Дорин. — Он помог тебе, а потом ушёл.

И он был против. Но дело не в этом. «Мы всё ещё были там, одни, в темноте. Опасность была реальной, но я всё равно хотела его. Как будто я хотела, чтобы мне было больно».

Дорин приподнимает бровь. «Ты когда-нибудь задумывалась о том, что он тебе нравился просто потому, что он был сексуальным?»

Я невольно смеюсь.

Она наклоняется вперёд. «Позвольте мне сказать, что я здесь слышу. Вы попали в беду. Вы были напуганы. Вам помог очень привлекательный мужчина. Пока он это делал, вы позволили себе фантазировать о нём. В этом точно нет ничего ненормального. На самом деле, я бы сказала, что это самое нормальное явление на свете».

«То, о чём я мечтаю, ненормально».

«Фантазии об изнасиловании — одни из самых распространённых сексуальных фантазий у женщин», — говорит Дорин, и не в первый раз. Как всегда, меня охватывает стыд, когда она произносит это слово. Изнасилование. «Некоторые мужчины тоже фантазируют о том, что их принуждают. Это не то же самое, что на самом деле хотеть, чтобы тебя изнасиловали. Не все фантазии воплощаются в реальность».

— Мне ли не знать этого — грустно говорю я

Это моя попытка пошутить. Дорин даже не улыбается; её не так-то просто отвлечь. «Одна из причин, по которой ты пришла ко мне, заключалась в том, что ты хотела избавиться от этой фантазии. Я понимаю твои мотивы. Но я не думаю, что сама фантазия — твоя самая большая проблема. Я думаю, твоя главная проблема в том, как ты себя из-за этого мучаешь.» Дорин вздыхает. — Это так, а также то, что ты заиклена на этой фантазии.

Я сидела слушала и думала. Я не могу говорить о причинах — не сейчас, не снова. Мой таинственный мужчина занимает слишком много места в моих мыслях. Его тень падает на всё, что я говорю и делаю сегодня. «Если я фантазирую в те моменты, когда мне действительно может угрожать опасность, — о мужчинах, которые действительно могли бы... которые могли бы...»

— Мы уже говорили об этом. Иногда ты заикливаешься на том, что могло бы произойти, вместо того чтобы просто принять факты. Давай пока сосредоточимся на фактах, касающихся вчерашнего вечера. — голос Дорин добрый, но решительный.

— Этот парень поменял тебе колесо, а потом ушёл. Вот и всё».

Не слишком ли я много думаю об этом? Может быть. Вдохнув, я отпускаю эту мысль — или пытаюсь.

• • •

После того как мой час с Дорин заканчивается, я отвожу свою Хонду Цивик в мастерскую, покупаю новую шину и еду в северную часть города, к небольшому таунхаусу, у которого на обочине стоят пустые упаковочные коробки.

«Кто-нибудь дома?» — зову я, поднимаясь по дорожке к входной двери. — «Потому что я чувствую, что сегодня мне нужно кое-что распаковать».

Кармен появляется в дверях с красной банданой на чёрных волосах и широкой улыбкой на лице. На ней платье-футболка и резиновые перчатки; очевидно, я не единственная, кто хочет ей помочь. «Ты что, любительница наказаний?»

— Не больше, чем ты. Кроме того, — говорю я, указывая на свои обрезанные шорты и серую футболку, — я уже одета для работы.

— Тогда садись и работай, девочка.

Когда я вхожу в дом, мой взгляд сразу останавливается на младшем брате Кармен, Артуро. Он держит в руках молоток.

— Вивьен! Не могу поверить, что ты не исчезла навсегда в день нашего переезда.

Я обнимаю его.

— Пока что вам это не удалось.

На первом курсе мы с Кармен оказались соседями по комнате. Это произошло случайно, и поначалу мы были насторожены друг к другу, ведь нас разделяла большая разница в происхождении и взглядах на жизнь. Я приехала из Нового Орлеана, откуда родом, и моя семья из рода «старых богачей», хотя к тому времени мы уже не были так богаты. Кармен выросла в небольшом городке рядом с Сан-Антонио и была дочерью иммигрантов, которые смогли выбраться из бедности. Моя внешность контрастировала с её внешностью: я была высокой, стройной и, как она часто шутила, самой белой девушкой на свете. Кармен же была невысокой, фигуристой и гордилась своими мексиканскими корнями.

У меня были медово-каштановые вьющиеся волосы, которые всегда выглядели так, будто их никогда не укладывали, и глаза неопределённого оттенка, словно они не могли решить, быть карими, зелёными или золотистыми. Кармен, напротив, обладала густыми блестящими иссиня-чёрными волосами и тёмно-карими глазами, которые я обожала. Я увлекалась литературой и историей, а наша комната была забита книгами в мягкой обложке. Кармен же любила математику и терпеть не могла беспорядок.

Первые недели мы почти не разговаривали, но к рождественским каникулам неожиданно стали лучшими подругами.

Артуро и Шей ещё слишком молоды для родительства: им всего по двадцать два года, и они студенты. Но они светятся счастьем, когда смотрят друг на друга. Я уверена, что они поженились не из-за беременности; с первого взгляда на них стало ясно, что их свадьба неизбежна. Иногда такое чувство просто приходит ниоткуда и внезапно... Каждый раз, когда я вижу их вместе, я улыбаюсь.

В отличие от меня, Кармен хмурится.

После небольшой работы на кухне, распаковывая посуду, я бросаю взгляд на Кармен. Она смотрит в окно, на задний двор, где Шей и Артуро смеются, устанавливая угольный гриль. «Если ты будешь так хмуриться, твоё лицо застынет», — шучу я.

Она закатывает глаза. «Я просто волнуюсь. Иногда Артуро забывал даже покормить нашу собаку».

Я смеюсь. «Он уже не маленький! И Шей ему помогает».

— Вивьен, будь честной. Они молоды. У них нет денег. Даже работая неполный день, они едва могут позволить себе снять жильё, где поместится детская. — Кармен обводит взглядом наше скромное пространство.

Я знаю, что Артуро и Шей уже стараются экономить, а с рождением ребёнка через три месяца им станет ещё труднее. Но всё же... «Если бы деньги могли решить все проблемы, моя семья была бы самой счастливой».

«Я не жадная, я просто прагматична. Меня тревожит, что он женится так рано, до окончания учёбы».

«Многие бы сломались под таким давлением. Но Артуро не из их числа. Он ни за что не допустит, чтобы что-то помешало ему заботиться о Шэй и будущем ребёнке».

Кармен поджимает губы. «Мне нравится Шей, я стараюсь относиться к ней как к сестре. Но меня бесит, как она перевернула жизнь Артуро с ног на голову».

— Помни, для танго нужны двое.

— Это верно!.

Снаружи раздаётся звонкий смех Шей, и, выглянув из окна, мы видим, как Артуро кружится с ней в танце на заднем дворе. Артуро напоминает мужскую версию Кармен: он невысо-

кий, смуглый и привлекателен не только своей внешностью, но и харизмой. Что касается Шей, то её босые ноги почти теряются в густой зелёной траве, когда она кружится. Её стрижка пикси окрашена в насыщенный бордовый цвет. Трудно представить её в роли Злой искушительницы; вместо этого она выглядит как типичная представительница альтернативной культуры: от хипстерских очков в роговой оправе до татуировки с розами на лодыжке.

Кармен говорит: «В последнее время я стараюсь больше общаться с Шэем».

— Да, я вижу.

Это вызывает у неё недовольный взгляд. — Да. Я даже попросила её пригласить нескольких друзей на мою вечеринку в пятницу вечером. Ты ведь придёшь, верно?

«Ты что, с ума сошла? Конечно, я пойду на вечеринку к своей лучшей подруге.»

— Ну... — Кармен виновато смотрит на него. — Я должна была сказать тебе, что пригласила и Кристофер.

Я делаю глубокий вдох. «Всё в порядке».

Она бросает на меня взгляд.

«Клянусь», — говорю я. Мы с Кристофер дали слово, что останемся друзьями. После того как мы провели всё лето порознь, нам нужно снова начать общаться. Вечеринка может быть чертовски неловкой, особенно если он напьётся, но я справлюсь.

«Ты согласилась быстрее, чем я ожидал», — замечает Кармен, беря канцелярский нож, чтобы приступить к следующему этапу распаковки. «Ты скучала по нему? Думала о возвращении к нему?»

«Нет».

Это не совсем так. Я скучаю по Кристофер, не как по любовнику, а как по человеку. К тому же я скучаю по сексу. Я правда, серьёзно, определённо скучаю по сексу. Может, занятия любовью с Кристофер были не самыми лучшими, но это было хоть что-то. С начала лета у меня не было даже этого.

Мы с Кристофер расстались не из-за отсутствия химии в постели, мы хотели друг друга, но это не помогло. Несмотря на то, что секс был нормальным, он не давал мне того, чего я действительно хочу в постели.. Того, что мне нужно.

Я снова думаю о своём спасителе — высоком, смуглом, опасном мужчине, который был в моей власти, но ушёл.

Я дрожу когда о нем думаю.

Но Кармен ничего не замечает, и я начинаю говорить с ней о школе, погоде и обо всём на свете. Я пытаюсь смахнуть свои опасные мысли вместе с пылью на полу.

• • •

Остаток недели аспирант Школы искусств Техасского университета в Остине проводит в обычном режиме. Во вторник встречаюсь с научным руководителем, а потом веду занятия по истории искусств для студентов. Моя роль — «ассистент преподавателя»: проверяю их работы. В среду и четверг работаю в Школе информации в центре города, занимаюсь исследованием в области сохранения документов. В пятницу останется время для работы в студии над гравюрами. Планирую сделать качественные оттиски любимой гравюры, созданной этой осенью. На ней изображены мужские руки, держащие голубя.

Почему этот образ так сильно действует на меня? Не знаю. Искусство часто вызывает загадки, а бессознательное вдохновение — это самая мощная сила. Мне достаточно самого образа: сильные мужские руки, огрубевшие от труда или сражений, обхватывают голубя с яркими глазами, полными страха и жизни. Интерпретация может появиться позже, а может и не прийти.

Закончив с оттисками, еду домой, в маленький белый домик на Первой улице. Он кажется крошечным даже на фоне обветшалых домов вокруг. Кармен говорит, что мой дом вызывает у неё клаустрофобию, а Кристофер называет его «кукольным домиком». Но мне нра-

вится уютное убежище. В спальне встроенные книжные полки, а кирпичный камин разделяет кухню и гостиную. Это дом моей мечты.

Гости сразу поймут несколько вещей обо мне. Я библиофил: собираю всё, от Джейн Остин до Джонле Карре. И я человек, ценящий текстуру и цвет. Только тот, кто любит такие вещи, купит бархатный диван на стипендию или накроет роскошными пледами каждый предмет мебели.

В-третьих, я обожаю маленькую девочку по имени Либби. Её яркие раскраски украшают мой холодильник, а один из её оригинальных рисунков я вставил в рамку и повесил на стену. В каждом уголке я вижу посвящение: «Тёте Виви».

Никто не догадается, что я редко вижу с Либби, а почему — тем более. Это остаётся тайной, и я хочу, чтобы так и оставалось.

Что надеть вечером? Я не хочу выглядеть вызывающе, чтобы Кристофер не подумал, что я хочу его вернуть. Но и неопрятность не подойдёт. В итоге я выбираю комфорт. В августе в Техасе жара не спадает даже ночью, и обнажённая кожа — лучший друг. Я надеваю джинсовую мини-юбку и чёрный топ, добавляю серебристые босоножки на ремешках и длинные серьги, чтобы немного украсить образ. Затем я иду в круглосуточный магазин, покупаю шесть банок пива и направляюсь к Кармен.

Её бунгало с кирпично-красными стенами расположено в нескольких минутах ходьбы от лучших ресторанов, клубов и баров на Конгресс-стрит. Я паркуюсь в квартале от дома, потому что это одна из редких светских вечеринок Кармен. Подхожу к дому и вижу около десяти человек на заднем дворе, смеющихся и болтающих. Кувшин с сангрией уже пустили по кругу.

Артуро встречает меня, обнимая одной рукой, другой держа пиво. В крошечном доме Кармен уже человек двадцать, все одновременно разговаривают и смеются, не заглушая громкую музыку из стереосистемы. Свет приглушён, свечи мерцают на колонках и кофейном столике. Через стеклянную заднюю дверь я вижу несколько солнечных фонарей, мягко освещающих двор, как светлячки.

«Наконец-то ты пришёл!» — кричит Артуро, перекрывая шум. — «Нам нужно тебя нагнать. Ты всех знаешь?»

«Кажется, никого», — отвечаю я, хотя узнаю пару лиц. Кармен и Артуро всегда притягивают новых друзей своей харизмой. Мне же нужно больше времени, чтобы довериться людям и впустить их в свою жизнь. На то есть причины, и я не считаю это плохим, но иногда мне одиноко.

 Кроме того, это делает вечеринки неловкими.

Шей подходит ко мне и обнимает сзади; её живот упирается мне в спину. \

— Пора знакомиться! Это Николь Миллс — привет! — она работает с Артуро. А ты, я уверена, знаешь Анну Данэм из отдела Кармен? А Джонни — один из соседей Кармен.

Я пытаюсь хотя бы помахать всем, пока их представляют, но Шей уже ведёт меня на кухню.

Крошечная кухня Кармен тесна даже для одного человека. В разгар вечеринки, когда все пытаются пробраться к холодильнику или пластиковым стаканчикам, там становится совсем тесно. Смеясь, я пытаюсь протиснуться между двумя фигурами в тёмной кухне, натыкаясь на какого-то парня — и замираю.

Шей продолжает знакомить меня со всеми, не обращая внимания. «А это ДжонМаркс. Он профессор наук о Земле. Ты же знаешь, что в этом семестре я работаю над исследованием в этой области, верно?»

В последний раз я видела его поздно вечером, и фары автомобиля сияли у него за спиной, словно нимб. Это не важно. Я бы узнала его где угодно. Только один мужчина заставлял меня мгновенно вспыхивать, краснеть и слабеть — и при этом одаривал такой холодной, оценивающей улыбкой.

Он и сейчас так мне улыбается.

Высокого, смуглого и опасного оказывается зовут Джона. Он здесь, с моими друзьями, в моей жизни. И все мои фантазии о незнакомце на дороге кажутся ещё более пугающими теперь, когда он больше не незнакомец.

Из-за давки наши груди прижаты друг к другу, и я знаю, что он чувствует мою грудь через мой короткий топ и тонкий хлопок его футболки. Он слегка наклоняет голову, и я понимаю, что он тоже меня узнал. Но он ничего не говорит.

Шей беззаботно продолжает: «Джона, это Вивьен Чарльз. Она наша хорошая подруга, бывшая соседка Кармен по комнате».

Я просто киваю. У меня нет слов. И снова эта смесь страха и желания разливается по моим венам — такой же огонь, который, как я представляю, должен ощущаться при введении героина, — агония, настолько приятная, что ради неё можно сделать всё что угодно.

— Мы встречались, — говорит Джона, не сводя с меня глаз.

— О, да? Это тебе не Техасский университет в Остине. — ухмыляется Шей, всё ещё не замечая напряжения между мной и Джоном. — Это практически самый большой университет в стране, но каким-то образом мы все пересекаемся.

— Мы познакомились буквально на днях, — наконец выдавливаю я. — На обратном пути из Нового Орлеана у меня спустило колесо. Джон поменял его. Кстати, ещё раз спасибо.

Он наклоняет голову, как можно меньше выражая признательность за мои слова.

— Эй, эй. Наш герой, — говорит Шей. — Ты никогда не упоминал, что помог кому-то на обочине, Джона.

Джон пожимает плечами и говорит: «Ничего особенного не произошло.» С этими словами он отводит взгляд, разворачивается и уходит. Я с облегчением выдыхаю, не замечая, что до этого задерживала дыхание.

Шей, если и замечает мою реакцию, то не правильно её интерпретирует. «Не позволяй Джоне влиять на тебя. Он иногда ведёт себя грубо, но это его стиль. Я хочу сказать, что с ним приятно работать — он не относится ко мне как к личному слуге, как некоторые профессора. Но я ни разу не слышала, чтобы он смеялся.» Шей задумывается. «Хм. Не уверена, что он вообще умеет смеяться».

«Зачем ты пригласил его сегодня вечером? Если он такой... холодный».

«Я пригласил несколько человек из нашего отдела. Было бы несправедливо не пригласить его».

Это так похоже на Шей. Она скорее пригласит на вечеринку человека, который ей едва нравится, чем обидит чьи-то чувства.

Джон скрылся из виду, и Шей пошла знакомить меня с другими гостями. Она снова тащит меня через толпу на кухне. «Давай. Пора выпить сангрии!»

Это на меня не похоже — так молчать. Большую часть своей взрослой жизни я пытался научиться быть более напористой и... скажем так, у меня это получается. Но когда я снова увидел Высокого, Смуглого и Опасного и узнала, что его зовут Джон Маркс, я растерялась и сильно смутилась.

Это не он тебя смущает, а мне стыдно за свои мысли о нём, и это не одно и то же.
Позже я обязательно найду Джона среди гостей вечеринки. Буду вести себя так, будто ничего не происходит. Скажу что-нибудь простое и несерьёзное. Обычная светская болтовня. Отличная песня, правда? Что-то в этом духе. Потом ещё раз его поблагодарю, и это уже не покажется странным. После этого я наконец смогу забыть этого человека.

Шей наливает мне сангрию, себе имбирный эль и начинает рассказывать. Она хочет покрасить детскую в зелёный, но Артуро хочет жёлтый. Я рада за ребёнка, но разговоры о детской быстро надоедают. Поэтому я просто киваю и говорю «Да» и «Конечно», когда она делает паузу.

Почти против своей воли я бросаю взгляды через весь зал на Джону Маркса.

Он даже привлекательнее, чем я его запомнила. Не красивый и не великолепный — ни одно из этих прилагательных не подошло бы к модели мужчине или звезде эстрады. Черты лица Джона слишком грубые для этого. Слишком резкие. Он похож на работу скульптора, который не верил в необходимость шлифовки неровных краёв и хотел, чтобы вы видели, где именно ударило долото. В чём-то он выглядит агрессивно мужественно: тёмно-красная майка, которую он носит, достаточно плотно облегает его мощные руки. Но в чём-то Джон выглядит странно уязвимым. У него узкая талия и более длинная шея, чем у большинства мужчин. Всё его тело выглядит так, будто кто-то взял идеал мужественной формы и довёл его почти до предела. Сильный — и всё же напряжённый внутри.

Я думаю, этого человека можно сломить. Но скорее всего, он сломит тебя первым.

Джон уходит всё глубже в толпу, и в конце концов я перестаю его видеть. Сначала я думаю, смогу ли я прервать разговор с Шеем о детской комнате, чтобы найти его; потом я думаю, почему мне так хочется сделать это прямо сейчас.

Может, мне вообще не стоит искать встречи с Джоном, если он так меня взбудоражил. Кроме того, что я ему скажу? Ты был невероятно любезен, когда помог мне той ночью. Помнишь, я относилась к тебе так, будто ты серийный убийца? Да, парням это нравится.

А потом появляется отвлекающий фактор в лице Кристофер Хилтона, он же мой бывший парень.

— Вивьен! Кристофер улыбается совершенно искренне. В его глазах мелькает лишь тень сомнения. Он рад меня видеть, но не уверен, что я испытываю к нему те же чувства.

К моему удивлению, так и есть. «Эй, ты. Иди сюда».

Мы обнимаемся — дружеское объятие одной рукой, которое ясно говорит: «Мы больше не встречаемся». Я чувствую, что Шэй наблюдает за нами, как и другие люди; первая встреча бывших всегда привлекает внимание. Сейчас они смотрят на нас то ли с облегчением (не подрались), то ли с разочарованием (не подрались?). Шэй отходит в сторону, оставляя нам столько места, сколько позволяет эта шумная вечеринка.

Он говорит: «Хорошо ли ты провёл лето? Ты же знаешь, что никогда не публикуешь посты в Facebook.» Кристофер — тот ещё экстраверт, для которого мой отказ от социальных сетей это почти преступление.

«У меня было спокойное лето, а это именно то, что мне было нужно. А у тебя?»

Уважаемые читатели, не забывайте ставить звездочки и подписываться на автора!

Глава 2

— Блестяще! — Кристофер жил в Инвернесе до шестнадцати лет, и иногда его выдают акцент и особый говор. — Стажировка прошла отлично. Seriously, это превзошло все мои ожидания. Мы добились амнистии для четырех иммигрантов, которым грозила депортация в страны, где их бы убили за политические протесты или за сексуальную ориентацию. Четверо за три месяца! Колеса правосудия редко вращаются так быстро.

Большинство молодых юристов, которые возвращаются в юридическую школу, чтобы получить степень магистра права, делают это ради того, чтобы заработать ещё больше денег. Кристофер получает степень магистра права, чтобы лучше помогать людям. Я не жалею, что рассталась с ним, но приятно вспомнить, что мне в нём нравилось.

Многие из тех, кто наблюдает за нами, — женщины. Не одна женщина на этой вечеринке надеется, что я отойду в сторону, а Кристофер останется один, и тогда у нее появится шанс. Он красив — ладно, очарователен — у него выющиеся каштановые волосы, щенячьи глаза и улыбка, которая может быть теплой, лукавой или и той, и другой одновременно. Белая рубашка в клетку расстегнута на шее, рукава закатаны, и он выглядит не таким худым, как жилистым. Он — идеальный герой романтической комедии.

Но моя жизнь — это не романтическая комедия и никогда ею не будет. Этот поезд ушёл задолго до того, как появился Кристофер.

Кроме того, стоять на расстоянии вытянутой руки от Кристофера для меня не так важно, как просто смотреть через всю комнату на Джона Маркса.

Я снова смотрю в ту сторону, где в последний раз видела Джона, но его там нет. Он наверное уже ушёл с вечеринки?

Если бы он это сделал, я бы почувствовала облегчение. Но я этого не чувствую, и меня это настораживает.

Пора снова сосредоточиться на Кристофере. «Молодец», — говорю я ему, и это правда.

Некоторое время мы болтаем о его жизни в Майами, а потом расходимся по своим делам. Мне удаётся ускользнуть от старого соседа Артуро по комнате, по имени Мак, который вечно пялится на мою грудь. Он из тех качков с толстой шеей и квадратной головой, похожих на консервированную ветчину в футболке с логотипом «Лонгхорнс». Какое-то время я разговариваю с Кипом, секретарём моего отдела в художественном департаменте, но потом он получает срочное сообщение, из-за которого его телефон оказывается вне зоны действия сети. В основном, несмотря на то, что мне нужно общаться и знакомиться с новыми людьми, я провожу время с подругой Кармен. Мы не просто так лучшие подруги, к тому же у неё появилась новая любовь, о которой она может рассказывать часами.

Что касается моей влюблённости — если можно использовать такое невинное слово для описания того, что делает сейчас со мной Джон Маркс, — я не позволяю себе снова искать с ним встречи. И он, частью, меня не ищет. Либо Джон находится во внутреннем двореке, либо он ушёл отсюда пораньше, потому что я его ни разу не видела.

Что я точно вижу, так это то, как Кристофер возвращается за третьим бокалом сангрии. Потом за четвертым.

Вижу, как он наливает пятый стакан. Это при условии, что я не пропустила ни одного раза, когда он наливает полный бокал, а я вполне могла и пропустить.

На пятой порции сангрии Кристофер натывается на кофейный столик. Несколько бокалов проливаются на ковёр, и Кармен тихо ругается; одна из свечей шатается, но к счастью не падает и не загорается вместе с ковром.

Люди смеются, но в этом смехе есть что-то зловещее. Кристофер пьян сильнее всех на этой вечеринке.

— Эй, — говорю я ему как можно мягче. — Давай подышим свежим воздухом.

Вытирая ковёр бумажными полотенцами, Кармен защищает Кристофера. «Всё в порядке! Ковёр тёмный. Ничего не будет видно».

— Нет, Виви права. Она права. — Кристофер, должно быть, пьян, иначе он бы не стал нарываться на мой гнев, называя меня Вив. — Нам всем стоит почаще прислушиваться к — к Виви.

Я встаю и кладу его руку себе на плечо. Если он или кто-то другой неправильно это истолкует, виноват будет он.

— Почему я не слушаю тебя чаще? Кристофер натывается на меня, но мне удаётся удержать нас обоих на ногах. — Ты всегда такая умная.

Свободной рукой я открываю стеклянную дверь и вывожу его на кирпичную террасу. Там осталось всего несколько человек, и я не обращаю на них внимания. Вместо этого я веду Кристофера к холодильнику, где среди нескольких бутылок пива нахожу для него минералку.

«Выпей это, хорошо? Тебе нельзя ничего пить, кроме воды, до самого утра. Тебе нужно обязательно что-нибудь съесть».

Кристофер закрывает бутылку с водой, и не делает ни глотка. Вместо этого он грустно улыбается. «Мне нужно было больше стараться ради тебя. Мне нужно было сделать так, чтобы у нас всё получилось».

Он что, собирается плакать? Чёрт, Кристофер — ты же просто жалкий пьяница.

Он просто продолжает говорить. «Прости, что я не смог стать тем партнёром, которым ты меня хотел видеть».

— Всё в порядке. Правда. Пожалуйста, выпей воды. — Я опираю его на столик во внутреннем дворике. Несколько человек вокруг нас посмеиваются над Кристофером; я всё ещё достаточно предана ему, чтобы злиться за него.

— Я имею в виду, что так будет лучше. Я знаю это. Знаю. Но иногда нам бывает больно, не так ли? Кристофер уже заговаривается. — Нам нужно было больше веселиться, пока была возможность.

— Вот сейчас мне совсем не весело, — говорю я. — Больше воды.

Наконец Кристофер делает глоток минералки, но это не помогает ему надолго замолчать. «Я просто не мог сделать это ради тебя. Ничто из этого. И, боже мой, мне так жаль, что так вышло с изнасилованием...»

Черт! Он сейчас этого не говорил. Он не стал бы говорить об этом публично, на вечеринке, где вокруг нас стоят и слушают незнакомые люди.

Но он сказал это вслух и очень громко!

Моё лицо холодеет от шока, а затем краснеет от стыда, пока Кристофер продолжает. «Я имею в виду, что извращения — это же круто, верно? Все должны любить какиенибудь извращения. И у тебя есть своё! Есть. Но это не моё извращение. Совсем нет. Меня пугает роль насильника! Но темне менее я не должен был вести себя с тобой как придурок из-за этого».

— Мы не будем это обсуждать, на людях! — выдавливаю я из себя, сквозь зубы. — Пожалуйста, прекрати.

Кристофер наконец осознает, где мы находимся, и что он натворил, несмотря на сильное опьянение. Он понимает ситуацию, но уже поздно. Втягивая воздух, он произносит: «О, чёрт».

Я не желаю видеть лица людей, которые слышали это, но не могу удержаться. Некоторые выглядят шокированными, другие — удивлёнными. А лицо Мака, этого негодяя, вызывает у меня мурашки.

Самое неприятное — одно лицо остаётся совершенно невозмутимым. Это лицо Джона Маркса, который стоит в нескольких метрах от нас и, вероятно, слышал каждое слово.

Когда мне было тринадцать, на вечеринке у бассейна у моей подруги Лиз из-под купальника выпала окровавленная нить от тампона. Джексон Оверстрит, который тогда казался мне очень милым с его светлыми волосами и голубыми глазами, был первым парнем, которого я мечтала поцеловать. Но он заметил эту нить, указал на неё всем присутствующим и смеялся громче всех. Учитывая, что в тот момент смеялись многие, это было ужасно тяжело для меня. Джексон одержал явную победу. Я тогда решила, что этот инцидент станет самым неловким моментом в моей жизни.

Оказалось, что это было далеко не так.

Я стою у высокого деревянного забора на краю двора Кармен. Шум и свет вечеринки долетают до меня, но этого недостаточно, чтобы заглушить желание уйти. Однако, чтобы покинуть это место, мне нужно пробраться через толпу, а я пока не готова к этому.

Шаги в траве за спиной заставляют меня вздрогнуть, но когда я оборачиваюсь, вижу улыбающегося Артуро. «Ты в порядке?» — спрашивает он.

Это Артуро, и я не могу ему соврать. «Если „смертельно смущён“ для тебя — это нормально, то да», — отвечаю я с кривой улыбкой.

— Не грусти так. Все мы иногда теряем голову в постели, понимаешь? Я мог бы рассказать несколько историй, если бы после этого Шей не прикончила меня.

Я снова криво улыбаюсь. Вероятно, все, кто слышал Кристофера, думают, как и Артуро: что это был всего лишь неудачный розыгрыш, случайность. Они не понимают, насколько сильно это меня задело. Для них это был небольшой толчок, а для меня — разрушительное землетрясение.

Артуро продолжает: «Кристофер — просто идиот. Кармен вообще не стоило его приглашать».

— Он был пьян. Вот и всё, — я откидываю чёлку со лба. Вечер выдался знойным, жарким и влажным. — Я разберусь с ним позже. Пожалуйста, не вмешивайтесь, ребята.

Артуро медленно опускает руки, но я понимаю, что он всё ещё не готов отпустить Кристофера. Мой младший брат, которого я принял в семью, защищает меня с такой силой, что любой настоящий старший брат позавидовал бы. Он редко выходит из себя, но когда это происходит, лучше держаться подальше.

Надеюсь, кто-то уже отвёз Кристофера домой.

«Ты уверена, что с тобой всё в порядке?» — спрашивает он.

Я киваю. «Просто дай мне ещё несколько минут, ладно? Может быть, к завтрашнему дню я смогу посмеяться над этим.» Хотя это маловероятно.

— Конечно. — Артуро ободряюще хлопывает меня по плечу и возвращается к собравшимся.

Я стою и размышляю о том что произошло. Истину знает только один человек. Если бы я могла отшутиться в ответ на слова Кристофера, вероятно, большинство людей не обратили бы на это внимания. Я преувеличиваю проблему, держась в стороне от остальных, поэтому мне стоит прекратить это делать. Пожалуй, самое неприятное — это лицемерная улыбка Мака, но это уже в прошлом.

Кристофер, придурок ты эдакий. Может, я и не даю Артуро устроить ему взбучку, но это не значит, что я этого не сделаю сама. Ты что, не мог провести хоть одну вечеринку, попивая менералку или сок?

Снова слышу шаги по траве, но я стою не оборачиваясь. «Я правда возвращаюсь...»

Мой голос затихает, когда я вижу, кто подошёл ко мне.

Джон Маркс не смотрит прямо на меня; он смотрит в ту же сторону, что и я, прямо за забор, но я будто чувствую на себе его пристальный взгляд. Он так же хорошо меня видит, как и я его.

«Плохо получилось, что твой бывший парень тебя опозорил», — говорит он.

— Он, э-э, просто слишком много выпил. — Я обнимаю себя чуть крепче. — Думаю, мы все через это проходили.

«Я никогда не унижал своих возлюбленных на вечеринках. А ты?»

Ого, спасибо, что назвал это унижением. Мне так стало значительно «легче».

— Я просто хотела сказать, что не злюсь на Кристофера. И тебе не стоит злиться».

Джон, похоже, считает, что моё мнение по этому поводу не имеет значения.

— Ему не следовало раскрывать столь личную информацию!.

Я напоминаю себе: это всего лишь толчок, а не землетрясение.

— Мы с Кристофером однажды говорили об этом. Не придавай этому слишком большого значения!.

Это мой самый убедительный блеф. Я умудряюсь даже улыбаться. Многие люди бы поверили. Но только не Джон.

«Если бы это не имело значения, ты бы не стояла здесь, — произносит он. — Я понял твой замысел, едва взглянув на твоё лицо. Ты стремишься воплотить эту фантазию. Она для тебя важнее всего остального.» Он впервые смотрит мне прямо в глаза. «Тебе ведь ненавистна эта фантазия, не так ли? Я тоже её ненавижу. Но это не имеет значения».

Я чувствую себя перед ним обнажённой. Раскрытой и уязвимой. Я не могу думать о том, что он говорит; я хочу только одного — уйти. Но присутствие Джона — его обжигающее тепло — удерживает меня на месте, как в ловушке. — Ты... я не хочу говорить с тобой об этом.

— А я думаю, что хочешь!

Самонадеянность этого парня, просто за гранью

— Что простите?

Он делает глоток из своего бокала, совершенно не торопясь, абсолютно и до безумия спокойно. Затем он говорит: «Я хочу сказать тебе это сейчас — сегодня вечером, когда ты в безопасности, с друзьями, и ты знаешь, что я тебе не угрожаю. То, что сказал твой бывший, — если ты хочешь воплотить эту фантазию в жизнь, я могу тебе с этим помочь».

Он что, реально только что это сказал? .

Как будто все звуки превращаются в белый шум. Как будто мой мозг больше не воспринимает слова. Это почти физическое потрясение. «Ты... ты не имел в виду...»

«Изнасилование как фантазия. Ты хочешь одну роль, я — другую», — говорит Джон, и в его голосе слышится неуверенность, но глаза выдают нечто иное. Он смотрит на меня с такой пристальностью, что я невольно начинаю представлять его в той роли, о которой он мечтает. «На твоих условиях, в пределах твоих возможностей. Но мне кажется, мы могли бы... найти общий язык».

Я настолько ошарашена, что даже не могу ему ответить.

Кажется, моё лицо выражает такой же шок, как и моё внутреннее состояние. Джон произносит: «Ты в безопасности. Ты с друзьями. Даже если бы ты была одна, со мной ты была бы в безопасности».

Мне хотелось бы возразить ему, возможно, даже разразиться гневной тирадой или ударить его, хотя он, безусловно, этого заслуживает. Но вместо этого я говорю: «Я тебя даже не знаю».

«Так тебе будет лучше, — говорит Джона. — С парнем ты можешь притворяться, но на самом деле это шутка. Игра. Не та фантазия, о которой ты на самом деле мечтаешь. Со мной? Я ведь тебе почти незнаком. Я могу не только трахнуть тебя. Я могу тебя немного напугать. Совсем чуть-чуть. Достаточно, чтобы ты захотела этого по-настоящему».

Мне нужно это прекратить.

—Это безумие. Ты ведь понимаешь, да? И этого никогда, никогда не произойдёт!.

—Это твоя фантазия, и моя тоже. Такие шансы выпадают довольно нечасто — чтобы два человека оказались в одинаковом положении.» Джон улыбается, но это скорее свирепая, чем дружелюбная улыбка. «Если мы ничего не предпримем, думаю, ты потом об этом потом пожалеешь. Я вот точно пожалею, я знаю это».

Я хочу сказать Джону, что он не прав. Я хочу послать его куда подальше. Я хочу дать ему понять, что я не та извращенка, которую он сейчас описал, — но я не могу. Этот человек уже раскусил меня.

—Не могу поверить, что мы вообще это обсуждаем!.

—Мы можем зайти намного дальше! Подумайте об этом!.

Я его слушаю и не могу не представлять себе это. Все безумные, жестокие фантазии, которые я испытывала по отношению к Джону той ночью на обочине дороги, возвращаются ко мне с большей яркостью, чем большинство моих реальных воспоминаний. Я хотела, чтобы он взял меня. Чтобы он принуждал меня. Схватил меня и принудил.

Всё это время он мечтал сделать со мной такое. Может быть, даже больше, чем я осмеливалась себе представить. Там, в темноте, когда я была в его власти, он наверное думал только об этом.

Наверное, мне следовало бы почувствовать себя оскорблённой или напуганной. Вместо этого я испытываю сильное, почти болезненное возбуждение.

Возбуждённость — это не то же самое, что суицидальные наклонности. Я говорю вслух : «Ни за что на свете я не дам тебе разрешения меня изнасиловать».

«Я не об этом тебя просил. Я просил сыграть роль в твоей фантазии, как и прошу тебя сыграть роль в моей. Не происходит ничего такого, чего бы ты не хотела сделать на самом деле.» Его серые глаза непостижимы. «Мы можем заранее обсудить некоторые детали, чтобы обезопасить тебя».

«Ты часто так поступаешь с женщинами?» — спрашиваю я. Хотя я говорю об этом только в контексте своих фантазий, я почти сразу понимаю, что Джон мог бы сделать это по-настоящему. Возможно, я разговариваю с реальным насильником. Возможно, я — и есть его потенциальная жертва, которая теперь висит перед ним, как низко висящий плод на толстой ветке. Готовый к тому, чтобы он протянул руку и сорвал его.

«Пара моих бывших пыталась разыграть со мной сцены, но у них ничего не вышло. Они не хотели играть по-жёсткому.» Его улыбка такая же острая и яркая, как лезвие бритвы. «А я думаю, что ты хочешь!».

Эти слова вообще должны были бы напугать меня до чёртиков, но он прав. Я хочу жёсткого секса. Я хочу самой грязной, отвратительной жестокости, и я очень этого хочу. Я так долго этого хотела. Мы обменялись всего парой слов, но я уже понимаю, что Джон — именно тот человек, который без колебаний даст мне то, что мне нужно. Без малейшей жалости.

Я не хочу этого «хотеть». Моя фантазия — это то, от чего я стараюсь убежать, а не погрузиться в неё. Если я попробую это и мне не понравится, это будет ужасно. Это может быть так же травматично, как настоящее изнасилование, и я сама напрашиваюсь на это.

Но меня пугает не это. Меня пугает мысль, что мне может понравиться. Возможно, я действительно испорченная.

Я бы предпочла никогда этого не узнать. «Послушай. Я понимаю, что это предложение, а не угроза. Но мы ведём неприятный разговор, и я хочу, чтобы он закончился».

Выражение лица Джона неуловимо меняется. Я сегодня вечером думала о нём: этот человек может сломаться. Если присмотреться, можно заметить его уязвимость. «Я никогда не стал бы принуждать женщину против её воли. Никогда. Если бы кто-то приставил пистолет к моей голове, я бы сказал ему стрелять. Я никогда не переступлю эту черту».

— Но ты же фантазируешь об изнасиловании женщин.

Он приподнимает бровь. «А ты фантазируешь о том, что тебя насилуют. Ты знаешь, где проходит грань между мечтой и реальностью. Я тоже».

Как он может не видеть, насколько всё изменилось? Моя фантазия исходит из очень мрачного, но вполне реального места. Для Джона это, вероятно, просто способ отвлечься.

Я должна уйти. Я должна переступить через свою гордость, вернуться на вечеринку, взять сумочку и ключи и как можно быстрее отправиться домой. Завтра я должна позвонить Шей и попросить её больше не приглашать профессора Маркса на вечеринки.

Вместо этого я стою, затаив дыхание. Уголки глаз Джона вздрагивают, а улыбка слишком мрачная, чтобы её можно было разглядеть. Он точно знает, как сильно я возбуждена. Стыд, который я испытываю, только разжигает моё желание.

— А ты как? — спрашивает Джон. — Ты уже делала это раньше? Хотя я в этом сомневаюсь.

Он склоняет голову набок и пристально смотрит на меня. «Мы могли бы начать с малого. Сначала не так жестко. Постепенно мы дойдём до того, что тебе действительно нужно».

Черт, а ведь Джон знает, что мне на самом деле нужно, и я не могу допустить, чтобы он узнал о том, что он сейчас прав.

— Это безумие. — Я заправляю несколько прядей волос за уши и поправляю топ, пытаюсь взять себя в руки. Но я не могу не заметить, что под тонкой чёрной тканью мои соски явно затвердели. Хотя я и не видела, чтобы Джон смотрел на мою грудь, я знаю, что он тоже это заметил. — Как ты и сказал, это всего лишь фантазия. Думаю, нам стоит на этом остановиться.

— Очень жаль. Было бы круто!

Нужно быть очень наглым, чтобы быть настолько уверенным в чём-то настолько возмутительном. К чёрту страх, к чёрту вежливость. «С чего ты взял, что я соглашусь на что-то настолько извращённое, ведь я тебя почти не знаю? Как мы должны строить планы о сексе, даже еще не прикоснувшись друг к другу?»

Сначала Джон ничего не отвечает. Затем он грубо и властно обхватывает моё лицо одной рукой и прижимается губами к моим.

Его поцелуй жёсткий. Настойчивый. Его язык раздвигает мои губы. Я не хочу отвечать на его поцелуй, но мои губы ему отвечают. Моя голова откидывается назад, когда он подходит ближе и обнимает меня за талию. Я подчиняюсь его прикосновениям. Он пробуждает каждый нерв в моём теле — как будто до этой секунды я не осознавала, что хожу во сне. Желание обжигает мой рот, мою грудь, мою киску.

Как раз в тот момент, когда мне кажется, что мои колени вот-вот подогнутся, Джон внезапно отстраняется. Это выбивает меня из колеи, и я едва не спотыкаюсь. Он должен это видеть. Он должен видеть, как я краснею и тяжело дышу. Этот мужчина уже знает, какой властью он надо мной обладает, и хочет ещё больше.

—Тебе решать!

С этими словами он направляется обратно к дому, как будто ничего не произошло. Я могу только стоять и смотреть ему вслед.

.....

Я не могу уснуть.

Вечеринка у Кармен закончилась пару часов назад. Я загладила свою вину, оставшись до самого конца, пока не начала помогать Кармен собирать пивные банки и выбрасывать пустые пакеты из-под чипсов. Если кто-то и шутил, я смеялась, даже если мне было не смешно. Ещё сангрии? Конечно. Душа компании кто? — Это я!. Я притворился, что Кристоферне выдал мой секрет, и по большей части люди либо не знали, либо им было всё равно. Единственным,

кто заставлял меня нервничать, был Мак, который теперь не сводил с меня глаз. Впрочем, этот озабоченный придурок Мак всегда так делает.

Джон, должно быть, ушёл сразу после того, как поцеловал меня. Я представляю, как он возвращается в дом, а затем выходит через парадную дверь, даже не попрощавшись. Судя по всему, никто не видел, как мы целовались на заднем дворе. Это хорошо. Последнее, что мне нужно, — это чтобы Кармен спросила меня, считаю ли я его симпатичным.

Милый. Джон — красавчик. Привлекательный. Обалденный. Чертовски сексуальный. Нет он “милый”.

Я захожу на сайт Техасского университета, чтобы найти его. Он преподаёт науки о Земле, — сказал Шей. Он профессор. Это практически последняя профессия, в которой я бы могла его представить. Может быть, боец спецназа. Морской котик. Киллер. Но только не учитель.

Когда я открываю его страницу в университете, фотография на ней не выглядит успокаивающе заурядной: Джон в очках, не в кардигане и не в чём-то ещё, что обычно носят доктора наук на официальных фотографиях. Джон стоит на улице, где-то на скалистом берегу, а за его спиной простирается бескрайнее небо. На нём брюки цвета хаки, белая рубашка с закатанными рукавами, и он хмурится, как будто хочет ударить фотографа. Но хмурый взгляд не делает его менее привлекательным. Он не похож ни на одного профессора, которого я когда-либо видел, если не считать Индиану Джонса.

«Профессор сейсмологии и вулканологии», — гласит подпись. Это кажется логичным. Теперь, когда я внимательно рассматриваю его фотографию, я замечаю, что камни у него под ногами напоминают вулканический туф — если, конечно, я правильно помню курс геологии, который изучал четыре года назад. Воображение рисует, как он, рискуя жизнью, в снаряжении, едва способном защитить от бушующих стихий, бесстрашно идёт навстречу потоку лавы или извержению.

Я невольно вздрагиваю, осознав, что Джон — человек, для которого опасность не имеет значения.

Хватит. Если я хочу выспаться сегодня ночью, мне нужно это прекратить. Я выключаю планшет и пытаюсь успокоиться. Юбка отправляется обратно в шкаф, а майка — в корзину для белья. Тонкая белая майка без рукавов и трусики — это всё, в чём я могу спать в такую жару. Хлопок облегает меня, и я могу представить, что это моя вторая кожа. Иногда я сплю голышом, но сегодня мне хочется прикрыться. Стать менее уязвимой.

Мой район считается безопасным, но сегодня я дважды проверяю, закрыт ли засов на двери. Подхожу к каждому окну, чтобы убедиться, что оно плотно закрыто. Вместо того чтобы выключать все лампы, оставляю гореть одну — ту, что стоит у окна, выходящего на улицу. Если кто-то проедет мимо, может подумать, что я ещё не лег спать.

Под «кем-то» я подразумеваю Джону.

Я полагаю, он не стал бы меня преследовать. По крайней мере, в это я верю. Джон дал слово, что никогда не станет принуждать женщину против её желания. Когда он это произнёс, в его голосе прозвучало нечто искреннее, нечто настоящее. Я достаточно полагаюсь на свою интуицию, чтобы понять: Джон говорил правду.

Однако что, если он считает, что не принуждает меня? Он же знает о моих фантазиях об изнасиловании. Джон сказал, что хочет воплотить их в жизнь. Возможно, он ворвётся в мой дом, полагая, что я его жду? Мы обсуждали, как разыграть всё по сценарию, и вторжение в дом может стать частью этого. Хочется верить, что он не зайдёт так далеко, но в подобных ситуациях грань между фантазией и реальностью легко стирается. Если бы я стала протестовать или сопротивляться, Джон мог бы подумать, что это часть игры.

Он сказал: «Тебе решать!». Конечно же, это значит, что следующий ход за мной.

Почему я задумываюсь о следующем шаге? Я лежу в кровати, беспокойно ворочаясь под лёгкой простынёй. Эта мысль кажется мне безумной. Я прямо сказал об этом Джонсу. Когда я говорил «нет», я имел в виду именно это, и точка.

Однако я не знаю, разделяет ли Джонс мою уверенность, что на этом всё закончится. Сможет ли человек, которому нравятся фантазии об изнасиловании, понять, что такое «нет»? Могу ли я ему доверять? Он попросил меня полностью довериться ему и отдать себя в его руки.

И он уже продемонстрировал, что не воспользуется моей уязвимостью.

Уважаемые читатели, не забывайте ставить звездочки и подписываться на автора!

Глава 3

Джон уже однажды поставил меня в уязвимое положение. Это произошло в прошлое воскресенье вечером, когда я оказалась совершенно незащищенной. Мы были в отдалённой местности, когда он остановился помочь мне с проколотой шиной. Когда я сказала, что мне помогут, Джона наверняка понял, что я лгу. Он крепкий мужчина с явной физической силой. Если бы он решил взять меня против моей воли, он бы это сделал. Не уверена, что даже гаечный ключ спас бы меня в такой ситуации.

Теперь я понимаю, что его фантазии совпадали с моими. Он видел меня, желал меня и представлял, как заталкивает меня на заднее сиденье своего автомобиля и обнимает всем телом.

Однако он не сделал этого. Вместо этого всё, что он сделал, — это помог мне и отправил до дома.

Могу ли я ему после этого доверять?

Я не знаю ответа на этот вопрос. Я бы не смогла этого узнать, если бы мы не попытались заняться ...

Но это безумие, которое наверное ещё и вредно для здоровья. Возможно, даже опасно. И от этого мне становится жарче, чем когда-либо.

Я бросаю взгляд на ближайшее к моей кровати окно. За него я могу не беспокоиться: за последние восемьдесят лет или около того окно столько раз закрашивали, что оно практически слилось со стеной. Никто не сможет проникнуть внутрь, не порезавшись в кровь о разбитое стекло.

В моём воображении окно легко открывается перед ним. Я лежу здесь в своей короткой майке, тяжело дыша, парализованная страхом. Я представляю, как Джон проскальзывает внутрь, словно кот-домушник, едва касаясь ногами пола, и встаёт, нависая надо мной. Он не произносит ни слова. Ему и не нужно. В этой фантазии я знаю, что должна делать всё, что он скажет. Я просто должна смириться с тем, что он хочет со мной сделать.

«Не надо», — шепчет рациональная часть моего мозга, та часть, которая знает, что мне не стоит даже думать об этом. Мои фантазии об изнасиловании вымышленными незнакомцами — это одно. Но думать о Джон, мужчине, который хочет связать меня и по-настоящему овладеть мной: это совершенно новый уровень безумия.

Но, кажется, я наконец достигла этого уровня.

Я стягиваю с себя нижнее бельё, и моя рука оказывается у меня между ног. Когда мои пальцы начинают двигаться, я закрываю глаза, чтобы лучше представлять, как надо мной стоит ОН.

У него есть ремень, верёвка или что-то ещё, и он обматывает это вокруг моих запястий. Он привязывает другой конец к одной из ножек кровати, а затем тянет меня вниз, так что мои руки оказываются вытянутыми над головой. Я всхлипываю от страха. Это вызывает у него лишь улыбку. Он стягивает с меня трусики и раздвигает мои ноги так широко, что мне почти больно. Я слышу, как он расстёгивает молнию. В комнате слишком темно, чтобы разглядеть его член, но я чувствую, как его твёрдая головка упирается в меня — и входит в меня.

В своих мыслях я продолжаю прокручивать тот момент, когда он входит в меня, первый шок от проникновения, довольный стон Джона, мой собственный отчаянный крик. Снова и снова, каждый раз как в первый, так быстро, как только он мог, — а потом я кончаю так сильно,

что у меня кружится голова. Всё расплывается и гудит, и я не чувствую ничего, кроме пульсации моей киски, которая сжимается, желая мужчину, которого здесь сейчас нет.

Как только я снова могу дышать, я говорю: «Вот чёрт».

Если я так сильно возбуждаюсь от одной мысли о том, что Джон Маркс сыграет эту роль для меня, то что было бы в реальности? Я даже не хочу это знать.

А может, я уже знаю?.

В любом случае я ещё долго не смогу перестать думать о Джоне. пока не проваливаюсь в сон.

• • •

Все мои выходные проходят примерно так:

Встаньте, позавтракайте, сделайте зарядку. Постарайтесь сегодня не думать так много о Джоне.

Займитесь работой в студии.

Перерыв на обед; иду домой за сэндвичем. Начинаю думать о Джоне.

Мастурбирую, представляя его, прямо посреди дня, стонущего и тяжело дышащего на моей кровати.

Надень мою одежду обратно. Сходи по делам или навести друга. Выбери в магазине забавную открытку, чтобы отправить её Либби, чтобы она не забыла совсем свою тётю Виви. Не можешь вспомнить, что купить в магазине или что сказать дальше в разговоре, потому что твои мысли всё ещё прикованы к тени Джона Маркса.

Иди домой. Снова доведи себя до оргазма. Брось свои мокрые трусики в корзину для белья и надень свежие.

Подумай, чем бы тебе хотелось заняться вечером. Поиграй с друзьями в видеоигры. Послушай музыку в клубе. Представь, как руки Джона касаются твоей кожи.

Ложись в постель. Скажи себе, что тебе ни за что не нужен ещё один оргазм.

Подумай о Джоне. Доведи себя до оргазма. Потом засыпай.

По крайней мере, я не помню, что мне снилось на выходных. Сон — это единственное время, когда я могу побыть вдали от Джона. За два дня я меняю шесть пар трусиков.

В понедельник утром меня будит телефон, который предлагает список дел на день и включает песню, которая меня бодрит. Прищурившись, я на автопилоте просматриваю список дел, пока не дохожу до обычного времени для терапии. Сегодня там написано: «Не забудь: Дорин во Флориде».

Месяц назад мой психотерапевт сказала, что не сможет приходить в течение двух недель, чтобы навестить своего сына в Тампе. Я сохранила эту информацию в телефоне и забыла о её отсутствии. Прошло уже много времени с тех пор, как я была настолько подавлена, что даже двухнедельный перерыв в терапии казался мне катастрофой. Но сейчас я чувствую лёгкое беспокойство. Дорин могла бы вразумить меня. Она бы напомнила мне, что я пытаюсь отдалиться от этой фантазии, а не погрузиться в неё с головой, пока она не станет доминировать во всей моей жизни. Я бы вышла из её кабинета обновлённой, и уравновешенной, и готовой вернуться к нормальной жизни.

Вместо этого Дорин находится на другом конце страны, а Джон — находится очень, очень близко.

Я надеваю укороченные брюки и простой белый топ, обуваюсь в сандалии, собираю волосы в хвост и еду в университет. Как обычно, влиться в плотный поток машин на территории кампуса — та ещё головная боль; практически каждый день мы попадаем в пробку, достойную Лос-Анджелеса. Техасский университет в Остине — один из крупнейших университетских кампусов в стране: более пятидесяти тысяч студентов, почти двадцать пять тысяч преподавателей и сотрудников, 150 зданий, расположенных на территории площадью более четырёхсот метров.

В потоке машин, обгоняющих друг друга, я замечаю студентов, спешащих на занятия. Даже тем, кому повезло жить в кампусе, порой приходится преодолевать значительные расстояния, чтобы добраться до аудиторий, и они предпочитают автомобиль пешим прогулкам.

Тем не менее каждый колледж — это на самом деле множество небольших колледжей, собранных вместе. Каждое здание, каждый факультет обладают своей уникальностью и своим набором персонажей. Обычно я не удаляюсь далеко от Школы изящных искусств.

Без сомнения, именно поэтому я подхожу к зданию и вижу Кристофера, сидящего на металлической скамейке перед входом. В руках у него лист бумаги, который он слегка мнёт напряжёнными пальцами. Увидев меня, он широко распахивает глаза. Хотя он явно ждал меня, он боится того, что я собираюсь сказать.

Когда я подхожу к нему, Кристофер встаёт. «Вивьен, мне так, чертовски сильно жаль, что так вышло в пятницу вечером».

— Еще бы тебе не было жаль! — Я скрещиваю руки на груди. — Ты вообще помнишь, что произошло? Или Кармен пришлось рассказывать тебе об этом позже?

Он почесывает затылок свободной рукой. «Не буду отрицать, что всё помню немного расплывчато. Но в основном я помню что говорил».

— Это было личное, Кристофер. Настолько личное, насколько это вообще возможно. Каким бы пьяным ты ни был, ты никогда, никогда не должен был произносить эти слова.

— Я знаю. Знаю. — Почти скулит он. Приэтом Кристофер выглядит таким серьёзным. Почти убитым горем, как будто его слова ранили его сильнее, чем меня. Он всегда хочет поступать правильно, просто у него не всегда получается.

Но на этот раз я не спущу ему это с рук. «Я не обсуждаю нашу сексуальную жизнь. Даже с лучшими подругами, и уж точно не с незнакомцами на вечеринке. Если мы хотим остаться друзьями, ты не должен так делать. Ты меня понял?»

Кристофер медленно кивает. Несколько мгновений мы стоим в неловком молчании, прежде чем он расправляет лист бумаги. «Мне было так плохо из-за этого, что я написал тебе стихотворение».

— ...стихотворение? Ты??

— Да, — он стоит почти по стойке «смирно», как политик, собирающийся произнести речь. — Название: «Я полное и абсолютное дерьмо».

Я не собираюсь смеяться. Этот парень точно головой поехал!

Кристофер читает: «Я полное и абсолютное дерьмо / иногда веду себя как тупой придурок / когда я начинаю болтать / все мои отношения рушатся / простите этого жалкого неудачника / иначе мне будет грустно, ведь слово «неудачник» рифмуется с «придурком».

Я больше не могу сдерживаться. Внутри меня поднимается смех, и на обеспокоенном лице Кристофера появляется улыбка облегчения. Я никогда не могла долго злиться на него. — Пожалуйста, пообещай что больше не будешь писать стихи!, — с улыбкой говорю я.

«Мне казалось, что я достиг поэтического совершенства всего в шести строках. Чем меньше, тем лучше, понимаете?»

— Да. Например, менее интимные подробности наших отношений, более весёлые вечеринки.

Он кладёт руку мне на плечо — не в романтическом жесте, а просто чтобы подбодрить. «Клянусь тебе, я больше никогда не расскажу ничего личного о нас. Никогда. Сколько бы я ни выпил, я не напьюсь настолько, как в прошлый раз».

Я вздыхаю. «Хорошо. Но учти — ты на испытательном сроке».

— Приговорсуров, но справедлив, ваша честь. — Кристофер сжимает мою руку и отступает на шаг. — Ну, мне пора на занятия.

Юридический факультет находится не так уж близко. «Тебе придётся потаропиться!»

— Возможно. Но теперь у нас с тобой всё в порядке?

— ...конечно.

Кристофер ухмыляется и, развернувшись, бежит через лужайку. Он старше почти всех остальных учеников, но то, как он двигается — бежит, и его длинные каштановые волосы развеваются при каждом шаге, — делает его больше похожим на ребёнка, чем кто-либо из них. Качая головой, я смотрю ему вслед. Он и есть большой ребенок.

Все ассистенты преподавателей работают в одном помещении на четвёртом этаже. Лифты ходят только до третьего. Я поднимаюсь по лестнице — так меньше раздражаюсь, от закрытого пространства. Наш кабинет такой же большой, как и следовало ожидать: длинная узкая комната, которая, вероятно, изначально была задумана как чулан, заставлена самыми старыми и потрёпанными столами, которые ещё не выбросили на свалку. Я не против. В любом случае большую часть работы я делаю дома или в студии. Кроме того, несмотря на то, что я занимаю невысокое положение в иерархии, я всё же могу рассчитывать на секретаря отдела.

— Ну привет, — говорит секретарь по имени Кип, когда я вхожу в главный офис. — Ты уже не такая соблазнительная, как в пятницу вечером.

— О нет! Я собиралась надеть нижнее белье, чтобы произвести впечатление на двух парней из моего класса. — Я ударяю себя по лбу ладонью. — У тебя не завалялись какие-нибудь стринги? Или бикини?

— А тебе не всё равно? Кип бросает на меня косой взгляд; его быстрые пальцы ни на секунду не перестают печатать. Он печатает достаточно быстро для парня. — Я подумал, что ты захочешь хорошо выглядеть перед Кристофером. Не думай, что я не видел его там, так что избавь меня от сарказма.

«Мы с Кристофером теперь просто друзья, помнишь?»

— Ну, ну, — мычит Кип, давая понять, что не верит мне.

Когда в прошлом году в наш отдел пришёл Кип Ракер, я не знала, что и думать. Наша предыдущая секретарша была похожа на бабушку и носила толстовки с аппликациями, посвящёнными каждому празднику, включая День посадки деревьев. Кип же носит узкие джинсы, дизайнерские футболки оверсайз и красит ногти. Чтобы быть таким, как Кип, здесь, нужна смелость; может, мы и самый прогрессивный город в красном штате Техас, но это всё равно это Техас. Так что я с самого начала восхищалась его смелостью, но не могла себе представить, что он впишется в наш коллектив. У него длинный язык и ещё более странный характер, и ему плевать, что о нём думает весь мир. Обычно из таких людей не получаются хорошие секретари. Но этот парень оказался исключением.

За три недели Кип перестроил работу всего нашего офиса. Внезапно мы стали эффективными. Он выполнял работу быстрее и с меньшими усилиями, чем кто-либо из нас мог себе представить. Даже старая кофеварка исчезла, уступив место новой модели, которая готовила настоящий кофе, а не чёрную жижу.

Когда мы спросили его, как ему это удалось, он сказал, что у него есть связи в сфере общественного питания. Вскоре мы узнали, что у Кипа есть связи во всех подразделениях университета. Каким-то образом все эти люди оказались у него в долгу. Думаю, Кип мог бы стать деканом, если бы захотел. Возможно, даже ректором. А я просто рада, что он на нашей стороне.

Сегодня утром ногти Кипа были ярко-красными. Я на секунду беру его за руку. «Хороший оттенок».

— Спасибо. Можешь взять у меня лак, если хочешь.

— Не сегодня. Может быть, когда-нибудь.

Я прохожу через боковую дверь в свой маленький тесный кабинет. Ни один из других ассистентов ещё не пришёл; у Марвина сейчас занятия, а Кейко никогда не приходит в офис до полудня. Значит, я могу немного побыть одна.

Компьютер издаёт звуковой сигнал. Наша домашняя страница — это сайт университета, поэтому достаточно нажать пару клавиш, чтобы попасть на факультет и открыть страницу Джона Маркса.

Я снова смотрю на его фотографию. Все выходные я представляла, как он стоит рядом со мной, отдаёт приказы, обзывает меня, но его образ не утратил своей власти надо мной. Если уж на то пошло, он волнует меня ещё больше.

Может быть, это потому, что он как никогда близок.

Прежде чем я успеваю струсить, я нажимаю на ссылку, ведущую на электронную почту его университета. Появляется форма для письма, в верхней части которой указан адрес Джона, готовый к заполнению. Я не утруждаю себя написанием текста письма; всё, что я хочу ему сказать, умещается в теме письма.

Я пишу: «Давай поговорим».

А потом я нажала «Отправить».

В студенческом городке кампусе при нашем колледже большинство баров — это шумные места, где собираются либо любители живой музыки, либо студенты с поддельными документами, либо обе эти категории. Однако бар в этом отеле отличается изысканностью и спокойствием. Здесь вместо громкой альтернативной музыки, доносящейся из скрытых динамиков по всему залу, тихо звучит классика. В различных уголках расставлены диваны и кресла из светлой кожи, создавая уютную атмосферу для бесед и ощущение приватности. Преобладают взрослые посетители, и почти у каждого в руке не бокал вина, а чашка кофе.

Я медлю, прежде чем выбрать напиток. Мне важно сохранять спокойствие, но я уже начинаю нервничать. Кофеин может толкнуть меня к краю пропасти, поэтому я решаю заказать пино нуар.

Диван в самом дальнем и укромном углу бара свободен, и я выбираю его. Я пришла пораньше, чтобы собраться с мыслями до появления Джона, но теперь жалею об этом. Сидя здесь, я только накручиваю себя.

Ещё не поздно уйти. Напишу Джону, что не смогу прийти, пойду к машине и уеду, пока есть возможность.

Но я остаюсь на месте.

Я уже привыкла к тому, что меня часто подозревают. Это началось два дня назад, когда я отправил Джону электронное письмо. В ответ он дал только адрес, время и дату, а также фразу: «Просто чтобы поговорить». Сначала это меня разозлило. Почему он не выразил ни удивления, ни энтузиазма, ни сомнения? Ни одного вопроса, ни одной детали о том, что он думает?

Но потом я поняла, что этот разговор лучше провести лично. Мы должны быть предельно ясны в каждом вопросе и в каждой детали. Иначе все может пойти не так.

Есть ли шанс, что что-то столь испорченное может сложиться удачно? Я в этом не уверен. Возможно, я об этом пожалею. Риски вполне реальны, и я их не игнорирую. Эта фантазия, захватившая меня, больна и извращена, но она не исчезнет. Попытки бороться с ней ни к чему не привели. Поэтому я сдаюсь. Я отступаю.

Я беру большой глоток вина, закрываю глаза и делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. Это помогает, пока я снова не открываю глаза и вижу Джона.

Он направляется прямо ко мне, как он будто знал, где я буду сидеть, ещё до того, как вошёл в дверь. Как и я, Джон одет так, чтобы соответствовать этому элитному заведению: угольно-серые брюки, идеально подчёркивающие тонкую талию, и чёрная льняная рубашка, облегающая его мощное тело. Я подношу руку к вырезу своего платья сливового цвета. Оно не такое уж откровенное, но я чувствую себя беззащитной под его понимающим

взглядом.

 «Я не был уверен, что ты придёшь», — говорит Джон.

 И тебе привет. Если он может сразу перейти к делу, то и я могу. «Пару раз чуть не выбежала за дверь, пока ждала тебя. Но вот я здесь».

 Это вызывает у него подобие улыбки.

 Джон садится рядом со мной, но в паре метров от меня, как будто я его коллега по работе, а не женщина, которую он хочет трахнуть. С другой стороны, это и не прелюдия. Сегодня ничего не произойдёт. Если мы собираемся двигаться дальше, но нам нужны границы. Может, я и сошла с ума, раз делаю это, но я не настолько безумна, чтобы делать это без каких-либо правил.

 «Как прошёл твой день?» — спрашиваю я.

 Он бросает на меня взгляд. Как он и сказал у Кармен, чем меньше мы будем знать о жизни друг друга, тем лучше. Это не первое свидание.

 — Прости. — Я делаю ещё один глоток вина и ставлю бокал на стол. Если я буду выпивать чуть больше каждый раз, когда буду нервничать, то напьюсь. — Никаких подробностей. Никаких разговоров. Нам не стоит об этом.

 «Всё в порядке. Это конечно сложно и непривычно.» Он делает паузу, прежде чем добавить: «Ты боишься?»

 Глубокий вдох. Честный ответ. «И да, и нет. Я верю, что ты ничего не сделаешь без моего разрешения. Но то, что мы делаем, немного похоже на прыжок со скалы. Эта фантазия была у меня с... с самого начала, но я никогда не думала, что воплосу её в жизнь с реальным незнакомцем...»

 В этот момент рядом с нашим диваном появляется официант. Почему официанты в барах появляются именно тогда, когда они меньше всего нужны? Джон небрежно говорит: «Принеси мне то же, что и ей».

 Не думаю, что он хотя бы взглянул на мой бокал. А что, если бы я заказала какой-нибудь нелепый тропический напиток, который подают в ананасе с розовыми трубочками и бумажными зонтиками? От мысли о том, что такой серьёзный человек, как Джона, пьёт что-то подобное, я улыбаюсь. Наконец-то я могу немного расслабиться.

 Как только официант уходит, Джон поворачивается ко мне. «Что нужно сделать, чтобы ты почувствовала себя в безопасности?»

 Мне нравится, что он спросил об этом так прямо. Но что мне ответить?

 «Переходи сразу к делу», — напоминаю я себе. Откровенность Джона — единственный выход. «Мне нужно, чтобы ты надел презерватив. Если только ты не хочешь показать мне свою медицинскую карту».

 Джон кивает. «Это не проблема. А результаты анализов ты мне тоже покажешь?»

 Мне даже в голову не приходило, что Джон тоже может быть этим обеспокоен. «Эм..... Да, конечно».

 «Не торопись, — говорит он. — Я не против сначала надеть презерватив. Так будет лучше для начала».

 Мои щёки краснеют, когда я представляю, как он входит в меня, как он безжалостно трахает меня, снова и снова...

 Джона, должно быть, знает, о чём я думаю, потому что он наклоняет голову, словно наслаждаясь тем, какое впечатление производит на меня. Он бормочет: «Что ещё?»

 Ещё один глоток вина придаёт мне достаточно уверенности, чтобы ответить. «Я бы не хотела, чтобы ты меня связывал. Ну по крайней мере, не в первый раз».

 Он улыбается. «Мне нравится, что ты думаешь о будущем. Значит у меня будет много возможностей дать тебе то, чего ты хочешь».

 До сегодняшнего дня мне даже в голову не приходило, что Джон мог бы согласиться на разовую интрижку. Теперь, когда я об этом думаю, это кажется более логичным, чем предположение, что мы будем продолжать разыгрывать этот сценарий. Но я слишком долго и сильно этого хотела, чтобы думать, что одной ночи будет достаточно, чтобы избавиться от этого желания. Если Джон — подходящий партнёр для этой фантазии, то у нас есть шанс, который я не собираюсь упускать.

 Я уже чувствую, что одного раза мне с Джоном будет недостаточно.

 — Да. — Я спокойно смотрю ему в глаза. — Если, конечно, нам это понравится.

 — Думаю, так и будет. — Боже мой, его улыбка сейчас такая голодная, такая животная, и я знаю, что он представляет, как я принадлежу ему. В этот момент. Осознание этого потрясает меня в самом лучшем смысле.

 Официант приносит вино для Джоны. Мы оба молчим, пока Джона не принимает бокал и не бросает официанту двадцатку. «Без сдачи».

 Это вино стоило

всего десять долларов за бокал. Официант оживает. Я рада, что купил выпивку только себе, а я плачу за себя сама. Я не хочу быть в долгу перед Джоном. Ну, покарайней мере пока что.

Как только мы остаёмся одни, Джон говорит: «Нам нужно обсудить, чего ты не приемлешь в первый раз и чего никогда не захочешь. Если мы сразу установим основные правила, будет лучше для нас обоих».

Это звучит разумно. Я обдумывал это с тех пор, как он озвучил своё смелое предложение, и теперь, кажется, понимаю, что сказать. Но легче от этого не становится. «Давай начнём. Я уже говорила, что не хочу, чтобы ты связывал меня в первый раз, и, кажется, мы договорились о безопасном сексе...»

Джон нетерпеливо кивает. Хотя я не заметила его движения, он, кажется, пододвинулся ко мне ближе на диване. Теперь наши колени почти касаются, и он не отрывает от меня взгляда. Я понимаю, что его возбуждает моя неуверенность. А как иначе?

Уважаемые читатели, пожалуйста, не забывайте ставить звездочки и подписываться на автора!

Глава 4

Вивьен

Я ужинаю у своей подруги Шэй. Я первый гость за ужином в их новом доме — «как в песне поётся, пытаюсь сделать дом из арендованного», — и это не просто слова. В последнее время она увлеклась домашней кухней и учится готовить традиционные блюда, такие как жаркое, кекс с мясом и куриный пирог. Судя по всему, такие рецепты — настоящий тренд среди хипстеров. Этот пирог, возможно, и ироничен, но он действительно вкусный, так что хипстерам респект.

Мы ужинаем за столом для карточных игр в углу кухни. Все средства на мебель они вложили в детскую спальню. Шэй говорит, что остальные комнаты они будут обставлять вещами из Армии спасения, благотворительных магазинов или даже тем, что найдут на свалках. В студенческом городке это работает эффективнее всего. Вы не поверите, сколько вещей выбрасывают девятнадцатилетние студенты, которые сами за них не платили. Пока что дом выглядит довольно пустым.

Но это место уже кажется мне домом. Его наполняют забота Артуро и Шей друг о друге и их мечты о будущем. Здесь мне комфортнее, чем в доме моих родителей, где я провёл детство, уже давно.

Я бы сказала то же самое Кармен, если бы она была здесь. Предположительно, ей нужно проверить кучу контрольных работ. Я думаю, она всё ещё не готова воспринимать Шей как «хозяйку дома», но, конечно, скоро она с этим смирится.

— Ты уверена, что с тобой всё в порядке? Шей похлопывает меня по плечу. — Мне кажется, ты слишком напрягаешься. Тебе нужно больше отдыхать.

 Я пытаюсь её успокоить. «Сейчас я сосредоточена на своём исследовании. Это требует большой концентрации».

Это действительно так. Не стоит тратить почти всё своё время на размышления о том, как бы вас соблазнил Джон Маркс.

— Я знаю, что тебе приходится много работать, — говорит Артуро, возвращаясь к столу и ставя перед Шей имбирный эль. — Но это также означает, что ты должна усердно тренироваться.

— Ты в порядке? — Шей хлопает меня по спине. — Похоже, что-то попало не в то горло, да?

— Всё нормально, — отвечаю я, едва сдерживая смех.

 • • •
 К вечеру пятницы мне уже не до смеха.

 Всякий раз, когда я мысленно переносусь в гостиничный номер, всё моё тело дрожит от страха и предвкушения. Я не знаю, какое чувство сильнее. Сейчас я наверное с трудом понимаю, где верх, а где низ. Вот в таком состоянии я сейчас нахожусь.

 Я предпринял несколько надёжных мер. Мы с Кармен договорились пойти завтра утром на фермерский рынок. Если я не появлюсь у неё дома к десяти утра, она сразу же начнёт меня искать. Я также настроила отправку электронного письма ей, Артуро и Шэю через три дня, если я его не удалю. В письме говорится: «Если со мной что-то случилось, полиция должна искать Джона Маркса».

 Конечно, я не думаю, что в этом будет необходимость. Если бы я считала, что Джон действительно опасен, я бы вообще не поехала в отель.

 . . . но он немного опасен. Настолько, что страх кажется вполне реальным.

 Час пик. Я еду против потока машин в центр Остина, к самому высокому отелю в городе, где обычно останавливаются знаменитости, богатые туристы или корпоративные клиенты. Джонаа не поспешил. Он выбрал изысканное место для своего первого как бы это назвать то — язык не поворачивается.

 «Вы к нам на одну ночь?» — весело спрашивает администратор на стойке регистрации.

 «Да. Всего одна

ночь». Почему я так спокойна? Потому что моя «ролевая игра» уже началась.
Номер роскошен в изысканном минималистичном стиле: широкая кровать с белым пуховым одеялом и полудюжиной подушек, длинный стол из полированного дерева для деловых гостей и мягкое освещение, исходящее от бра, аккуратно расставленных на кремовых стенах. Номер находится на одном из верхних этажей, и из окон открывается вид на город. Я люблю закаты, а затем закрываю шторы, чтобы никто не мог заглянуть внутрь.

Приехать сюда на три часа раньше было лишним. Хотя я и пытаюсь смотреть телевизор, мой разум отказывается фокусироваться на свете и звуках вокруг меня. В конце концов я сдаюсь и начинаю готовиться. Сегодня вечером я хочу не торопиться — тщательно привести себя в порядок, чтобы Джон точно смог меня расшевелить.

Долгий горячий душ немного расслабляет меня, а сахарный скраб, который я взяла с собой, смягчает кожу. Я сушу волосы вниз головой, чтобы они выглядели более пышными и непослушными, чем обычно.

Я подумывала о том, чтобы сделать эпиляцию зоны бикини, но в итоге решила этого не делать. Лучше я буду выглядеть в этом смысле... неподготовленной. Тем не менее я аккуратно подстригаю всё электрической машинкой. Затем надеваю белые кружевные трусики. Без бюстгалтера.

На Рождество мама подарила мне духи, которые нравятся ей, но не нравятся мне. Это один из тех знойных, навязчивых ароматов 1980-х, которые продаются в фиолетовых флаконах. Этот аромат с таким же успехом мог бы кричать: «Трахни меня!» Сегодня я впервые их использую. Я наношу макияж так, как меня научила моя старшая сестра Хлоя, хотя обычно я этим не заморачиваюсь. В большинстве случаев достаточно пудры, туши для ресниц и оттеночного бальзама для губ. Сегодня я накрасила глаза дымчатым карандашом и нанесла мерцающие румяна, которые подчёркивают скулы. Помада у меня тёмно-красная, глянцевая.

Я купила это платье онлайн в прошлом году, поддавшись порыву из-за большой скидки в честь окончания распродаж и надписи на сайте красными буквами: «Осталось только одно!» Когда платье пришло, я поняла, что оно выглядит не гламурно, а очень вульгарно. Тонкая ткань малинового цвета облегает каждый изгиб, а подол едва прикрывает ягодицы. Платье держится только на двух тонких бретелях.

Джону будет несложно их разорвать.

Простые серьги-гвоздики с бриллиантами — всё, что болтается, будет только мешать. Наконец я надеваю серебристые босоножки на ремешках. Готово.

Я стою перед зеркалом и пытаюсь представить, какой меня увидит Джон, когда войдёт в бар. Всё во мне говорит о сексуальности. Такой наряд, по мнению придурков, оправдывающих изнасилование, означает, что женщина «сама напрашивается».

Сегодня вечером я действительно... «напрашиваюсь». Я просто прошу об этом.

В баре отеля я чувствую себя белой вороной. Конечно, я выделяюсь среди других путешественников, большинство из которых одеты в тёмную удобную одежду, которая хорошо складывается. Когда я сажусь на барный стул, мне приходится скрестить ноги, чтобы не сверкать ими на весь зал. Бармен оглядывает меня с ног до головы и спрашивает: «Чем я могу вам помочь?» Наверное, он думает, что я проститутка в поисках клиентов.

— Мне, пожалуйста, «Космополитен». Это не мой любимый напиток. Кажется, его заказала бы вонта девушка в безвкусном розовом платье.

Бармен быстро приносит мне напиток, как и второй, который я заказываю. Я ещё не ужинала, так что этого более чем достаточно, чтобы у меня закружилась голова. «Хотите ещё?» — спрашивает бармен.

Я начинаю отрицательно качать головой, но тут раздаётся глубокий голос: «Она выпьет ещё одну. За мой счёт».

Джон уже здесь!.

Как он вошёл, а я его не заметила? Потом я понимаю, что смотрела на вход для постояльцев отеля, а он вошёл с улицы. Он одет более непринуждённо, чем я: в чёрные джинсы и белую рубашку с длинными рукавами, закатанными почти до локтей. Джон не похож на парня, который пришёл сюда в поисках женщин. Он выглядит готовым к действию. Готовым ко всему.

Готова ли я к этому? Теперь, когда он рядом со мной, я не знаю. Но я остаюсь на месте.

Он попытается меня подцепить. Моя задача — дать ему отпор.

— Ещё один космо для

дамы? — спрашивает бармен, явно давая мне шанс отказать Джон. Я ничего не говорю.

 Джона отвечает за меня. «Ещё один. И принеси мне виски с содовой».

 Пока бармен готовит нам напитки, я впервые заговариваю с Джоной. «Спасибо».

 Он присаживается на барный стул рядом со мной. «Ты в городе проездом?»

 Я не придумывала историю о том, как оказался здесь, так что говорю что приходит в голову. «Просто проезжала мимо».

 — Ты одна путешествуешь! —

 — М-м-м, — я отворачиваюсь от Джон, чтобы взять свой третий коктейль «Космо». Я не решаюсь выпить его залпом, но поднимаю бокал, чокаюсь с ним о его стакан с виски и говорю: — За здоровье.

 — Ваше здоровье. — Взгляд Джона скользит по моему телу, словно он уже считает меня своей.

 От осознания того, что он питается моим страхом, я нервничаю ещё больше. Мне требуется несколько секунд, чтобы продолжить. «Хорошо. Есть вещи, которые я не хочу, чтобы ты делал, — во-первых, никакого оружия. Если у тебя есть нож, пистолет или что-то ещё, мне от этого не станет приятно. Я просто испугаюсь до смерти».

 Джона выглядит удивлённым. Должно быть, он никогда об этом не задумывался. «Никакого оружия не будет, точно говорю тебе».

 Я загибаю пальцы, перечисляя следующие пункты. «Во-вторых, я понимаю, что во время всего этого меня могут — э-э-э — оттрахать, но, пожалуйста, постарайся не причинить мне серьёзную травму или боль. Я не мазохистка, мне это не нравится».

 «Я не садист, так что это сработает».

 Может быть, он не садист в физическом смысле. А в эмоциональном? Должно быть, так и есть. Как можно мечтать об изнасиловании женщин и не получать удовольствия от причинения боли людям, пусть и не физической? Думаю, если ты не понимаешь, что это делает с женщиной — как сильно изнасилование влияет на психику, какие шрамы оно оставляет, — ты можешь представить, что твоё удовольствие не причинит кому-то другому долгой боли.

 На мгновение я злюсь. Мне хочется рассказать Джоне обо всём, чего он не понимает. Дать ему понять, как это ужасно.

 Но мне же нужно, чтобы он облажался, не так ли? Единственный возможный партнёр для этих игр это он — такой же извращенец, как и я.

 — Хорошо, — говорю я. — В-третьих, не снимать ничего на видео. Не делайте аудиозапись и не фотографируйте.

 Он выглядит разочарованным. О как! Значит, он этого хотел. «Я бы никогда не выложил ничего подобного в интернет и никому бы этого не показал».

 «Я тебе верю, но такие вещи могут попасть не в те руки. Помнишь прошлогодний скандал со всеми этими кинозвёздами? Некоторые сайты с «порноместью» на самом деле взламывают компьютеры и мобильные телефоны людей. Они крадут личное видео на самом деле».

 Именно тогда я узнаю, как выглядит Джон Маркс, когда злится. Его лицо мрачнеет, как и его серые глаза. Он напрягается, словно хочет нанести удар, но не собирается показывать противнику, что собирается сделать. «Любой мужчина, который так поступает с женщиной, — подонок».

 Я киваю. Так странно, что в нём уживаются два человека: как он может одновременно ненавидеть мужчин, которые пользуются женщинами, и при этом фантазировать о том, чтобы стать одним из них? — Значит, ни записей, ни фотографий?

 Он изящно уступает. «Идет. Ничего снимаит не будем».

 — Ладно. Наконец-то — думаю, это моя последняя попытка — я оглядываю бар, чтобы убедиться, что никто не подошёл, пока я отвлеклась. Никто не подошёл, но я всё равно понижаю голос. — Пожалуйста, не надо.

 Джон удивлённо моргает. Вероятно, это так и есть. Мы обсуждаем, как стать максимально извращёнными, но я не хочу, чтобы он делал что-то привычное в постеле

 Я не... Я правда, правда не...

 Наконец он говорит: «Хорошо. Я не буду».

 Если он не кончит в меня, то кончит во мне. Я представляю его у себя во рту. Внезапно мне так сильно хочется ощутить его вкус, что я едва сдерживаю стон.

 Я пытаюсь скрыть своё волнение. «Итак. А что насчёт тебя? Есть ли какие-то ограничения, о которых мне следует знать?»

 Я ожидаю услышать от него «нет» Веть это он будет всё контролировать; какие ограничения ему могут понадобиться? Вместо этого Джона отвечает мне сразу же. «Главное, чтобы, если нас когда-нибудь обнару-

жат — если кто-то решит, что происходящее реально, и вмешается или вызовет полицию, — ты всё объяснила. Мне всё равно, если тебе стыдно за эту фантазию. Ты должна сказать им правду, несмотря ни на что».

— Конечно. Я бы всё равно это сделала. — Я даже не осознавала, насколько рискует Джон. Он внимательно вглядывается в моё лицо, и я понимаю, что он пытается понять, искренне ли я его поддерживаю. Я добавляю более мягко: — Мы должны доверять друг другу, иначе ничего не получится.

— Верно. — Джон возвращается к своим доводам, как будто и не прерывался. — Я говорил тебе, что я не садист. Ну, я и не мазохист. Иногда я понимаю, что ты, возможно, захочешь дать отпор — и мне это может понравиться. Если ты будешь сопротивляться. — От его улыбки меня бросает в жар. Я ёрзаю на диване и чувствую, как у меня между ног становится влажно. «Несколько царапин, пощёчина — это нормально. А вот синяк под глазом или сломанная рука — это уже не нормально».

«Я поняла!» Как будто я могла одолеть Джон Маркса. Если бы мы дрались по-настоящему, он бы уложил меня за считанные секунды.

Он делает глубокий вдох. «И последнее: никогда не называй меня папочкой».

Я смотрю на него, закрыв свой рот ладонью. Я изо всех сил стараюсь не рассмеяться.

Очевидно, он замечает, что я забавляюсь. Он хмурится ещё сильнее. «Некоторые женщины говорят такое в постели».

— Я знаю. — Я с трудом сдерживаю улыбку.

«Если я попрошу тебя поговорить, я скажу, как меня называть. И ты это скажешь».

Желание смеяться исчезает. На смену ему приходят другие, более первобытные желания. Я хочу, чтобы этот мужчина отдавал мне приказы. Я хочу, чтобы он говорил мне, что делать.

Если Джон принял мой странный лимит, то и я могу принять его. «Папочка» — это всё равно не для меня. Так что тут всё в порядке.

— И только в первый раз... — Джона на мгновение задумывается. — Я хочу подсказать тебе, что сказать.

— Ты имеешь в виду сценарий?

— Нет. Я имею в виду, что я скажу тебе заткнуться, и ты это сделаешь. Ты будешь говорить только тогда, когда я разрешу, и только то, что я тебе скажу. По ходу дела мы можем стать более... импровизационными. Но на этот раз я хочу всё контролировать. Ты мне дашь такую возможность?

Я снова чувствую эту дрожь в животе, страх и желание переплетаются. «Да, я сделаю это.» Я уже дала ему столько власти над собой. Несколько слов ничего не изменят.

Джона удовлетворенно кивает. У нас есть свои правила.

Официант снова подходит к нам с надеждой, но наши бокалы всё ещё наполовину полны. Я придерживаюсь своего плана и не пью слишком много. Я не только буду вести машину по дороге домой, но и считаю, что важно сохранять ясность ума.

С другой стороны, я строю планы, как заставить едва знакомого мне парня притвориться, что он меня изнасиловал. Можно сказать, что я уже давно не в себе.

«Нам понадобится кодовое слово», — говорит Джон.

Я, конечно, слышала о безопасном слове, но всегда думала, что это исключительно для садомазохистов. Но для нас это имеет смысл. Мы уже обсуждаем сценарии, в которых я могу физически сопротивляться ему. Джона должен знать, как это будет звучать, если я скажу «нет» по-настоящему. «Серебро».

“Серебро?”

— Чтож пусть это будет кодовое слово.. — Я выбрала его наугад, но теперь оно мне нравится. — Что мы будем делать, если я захочу, чтобы ты остановился, но не смогу говорить?

Либо потому, что он заткнул мне рот кляпом, либо потому, что его член у меня во рту...

— Тогда щёлкни пальцами. Ты должна уметь это делать. — Джона медленно улыбается. Он знает, что я в его власти. — Даже в наручниках.

Я не могу говорить. Моё дыхание становится прерывистым и учащается, губы приоткрываются. Часть меня в ужасе от мысли, что этот человек наденет на меня наручники. Другая часть меня хочет, чтобы он сделал это прямо сейчас. Наденьте на меня наручники, вытащите меня отсюда и делайте со мной бог знает что часами напролёт...

«Не волнуйся. Как ты и сказала, в первый раз я не буду использовать наручники, — бормочет он. — Или верёвки, или какие-либо другие средства сдерживания. Я понимаю, что это нужно заслужить».

Мой голос звучит хрипло, когда я говорю: «Я бы хотела, чтобы мы до

этого дошли....когданибудь».
— Я тоже. Но как только ты будешь готова, но не раньше. — Джон протягивает руку вдоль спинки дивана. Он не обнимает меня. Вместо этого он проводит кончиками пальцев по изгибу моего плеча. От этого прикосновения я вспыхиваю. — Есть что-то ещё, чего ты не хочешь, когда мы впервые будем вместе? Будь конкретна. Потому что я хочу сделать с тобой очень многое. Если мне следует избегать чего-то, скажи мне сейчас, чтобы я не питал ложных надежд.

Я снова оглядываюсь по сторонам: это ещё одна тема, которую я не хочу обсуждать. «В первый раз — эм — никакого анального секса».

Я краснею от одной мысли о том, чтобы произнести это вслух.

Пальцы Джона снова скользят по моему плечу. «Как жаль».

«Только не в первый раз и не во второй. Хорошо? Если это окажется для меня слишком страшным, слишком тяжёлым, я не хочу, чтобы это было частью моего мира».

Он кивает, понимая. «Ты ведь никогда раньше этого не делала, верно?»

— Нет, — шепчу я.

— Но ты ведь в конце концов сделаешь это со мной? Так у меня будет стимул стараться. Будет для меня что-то, что я смогу заработать.

Честно говоря, меня пугает сама мысль об анальном сексе. Я никогда не хотела заниматься этим ради себя. Ни один из парней, с которыми я встречалась, не проявлял особого интереса к анальному сексу, и меня это устраивало.

Тем не менее в моих фантазиях это часто происходит. Насильнику было бы всё равно, хочу я этого или нет. Он бы заставил меня это сделать.

Как и Джон в конце концов.

— Что-нибудь ещё? — спрашивает Джон. Когда я качаю головой, он снова выпрямляется, приняв деловой вид. — Тогда в пятницу вечером. Если у тебя нет других планов — или они есть? Хорошо. Вот что я хочу, чтобы ты сделала. Сходи в отель; я скажу, в какой именно. Я забронирую номер на твоё имя. Заселишься. Устроишься поудобнее. Затем, около восьми вечера, спушись в бар отеля. Выпей пару бокалов. . — Его глаза горят. Он продумал каждое слово. — Я буду там. Я постараюсь тебя забрать. Но тебе это неинтересно. Когда ты выйдешь из бара, я пойду за тобой. У двери твоего номера в отеле ты попытаешься от меня избавиться. Я тебе не позволю.

Как будто Джон заглянул мне в душу и увидел, чего именно я хочу. «И что тогда?»

— Это уже мне решать.

О боже. Если бы я могла кончить, просто слушая, как мужчина говорит, я бы уже это сделала. То, как Джон строит планы относительно моего тела, заводит меня сильнее, чем прелюдия большинства парней. «Как хочешь», — повторяю я.

— И последнее. — Джон наклоняется ещё ближе, так что я думаю, он вот-вот меня поцелует. Вместо этого он шепчет: — Как мне довести тебя до оргазма?

Мои щёки пылают, как будто нас услышали все в баре. «Это должно, э-э, произойти само собой.» Он хмурится, и мне приходится объяснять. «Большинство женщин не получают удовольствия от одного только проникновения, но я почти всегда могу довести себя до оргазма».

Конечно, я достигаю этого, представляя, как меня насилует мужчина, даже когда мой партнёр всё ещё внутри меня. Когда мы с Джоном будем вместе, эта фантазия станет реальностью.

— Идеально. — Он улыбается. — Кстати, насчёт того вечера? Не надевай одежду, которую тебе хотелось бы носить снова.

Не успеваю я как следует представить, как Джон срывает с меня одежду, как он встаёт. Я застигнута врасплох. — Подожди. Ты просто... уходишь?

— Если только нам не нужно обсудить что-то ещё. — Он оттягивает край рубашки, чтобы прикрыть эрекцию, как я понимаю. От того, как сильно он меня хочет, я хочу его ещё больше. Однако Джон ведёт себя так, будто ему всё равно. — Если у тебя есть ещё вопросы, задавай.

Я знаю, что это совсем не похоже на первое свидание. Я знаю, мы договорились, что чем меньше мы будем узнавать друг о друге как о личностях, тем лучше будет ролевая игра. Но я не думала, что он настолько холоден, чтобы вот так уйти.

С другой стороны, холод — это то, что мне нужно. Холодный и непреклонный.

И всё же один вопрос сложно оставить без внимания. «Ты не собираешься рассказать мне, зачем тебе это?»

Поэтому я вздёргиваю подбородок. «В пятницу вечером в восемь?»

- В пятницу вечером.

Он разворачивается и уходит, ни разу не оглянувшись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.